

• ИРИНА ПОТАНИНА •

Труд

из

Первой Столицы

FOLIO

Харьков 1934

Ретророман

Ирина Потанина

Труп из Первой столицы

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

Потанина И. С.

Труп из Первой столицы / И. С. Потанина — «ОМІКО»,
2019 — (Ретророман)

Лето 1934 года перевернуло жизнь Харькова. Толком еще не отступивший страшный голод последних лет и набирающее обороты колесо репрессий, уже затронувшее, например, знаменитый дом «Слово», не должны были отвлекать горожан от главного: в атмосфере одновременно и строжайшей секретности, и всеобщего ликования шла подготовка переноса столицы Украины из Харькова в Киев. Отъезд правительства, как и планировалось, организовали «на высшем уровне». Вот тысячи трудящихся устраивают «спонтанный» прощальный митинг на привокзальной площади. Вот члены ЦК проходят мимо почетного караула на перрон. Провожающие торжественно подпевают звукам Интернационала. Не удивительно, что случившееся в этот миг жестокое убийство поначалу осталось незамеченным. По долгу службы, дружбы, любви и прочих отягощающих обстоятельств в расследование оказываются втянуты герои, уже полюбившиеся читателю по книге «Фуэте на Бурсацком спуске».

УДК 821.161.1(477)

© Потанина И. С., 2019

© ОМІКО, 2019

Содержание

1	7
2	16
3	29
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ирина Потанина

Труп из Первой столицы

© И. С. Потанина, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

* * *

Этим субботним вечером в Харькове было особенно жарко. Уставшее, но все еще упрямое солнце играло бликами на вычищенной до блеска брусчатке. Улавливая малейшие шевеления ветра, гордо надувались знамена и транспаранты. Задыхались от запаха свежей краски увешанные портретами вождей старинные дома. Из радиорупоров повсюду звучал Интернационал, прерываемый лающими речами ответственных работников, выступающих прямо сейчас на торжественном пленуме в здании Горисполкома.

«Перевод столицы Украины в Киев – есть выражение нашей растущей мощи», – доносилось сверху, и тысячи трудящихся, выведенных по разнарядке для демонстрации искренней поддержки и благодарности, отвечали громогласным «ура».

– На кого ж вы нас покидаете? – внезапно вскрикнула какая-то женщина, обращаясь к столбу с радиорупором.

– Молчи, дура! – зацыкали соратники. – На митинге после смены не была, что ль? В географический центр! Как оплот Советской Украины! На страх националистическим недобиткам!

Окружающих горлопанов женщина слушать явно не собиралась, но тут – о чудо! – со столба донесся родной голос товарища Постышева:

– Харьков – надежная пролетарская опора нашей партии. Он будет жить, еще больше развиваться, подавать пример и с честью нести звание бывшей столицы, – заявил секретарь ЦК КПБУ, и женщина, смущенно извиняясь, с улыбкой прозревшего агнца присоединилась к общей праздничной вакханалии.

23 июня 1934 года Первая столица торжественно провожала в Киев Правительство и руководство ЦК КПБУ.

1

Украина не забудет.

Глава, в которой все прощаются, а вы – наоборот

«Барашек – одни кости, мясо совершенно отсутствует, картофельное пюре прокисшее», – по слогам диктовала супругу дородная гражданка с высокой прической. Невозмутимый официант, чуть склонившись, стоял рядом. – Теперь унесите жалобную книгу и принесите меню! – скомандовала она. – Нет меню? Вредительство! Вы знаете, кто мы? Мы привыкли совсем к другому сервису и совсем к другому ассортименту.

– Дорогая, хватит! – вздохнул супруг, вытирая лысину несвежим носовым платком. – Далось тебе это меню. Столы накрыты, люди вокруг приличные.

Гражданка обиженно поджала губы и скосила глаза за окно. Деревянная рама делила здание вокзала на две части. Вверху – ряд полукруглых окон второго этажа и знаменитый купол главного зала, внизу – перрон, совсем сейчас не подходящий на вокзальный. Ни сутолоки, ни шума, ни мешков, ни старательно распахивающих друг друга спешащих к своему вагону пассажиров. «Город шумный – центр Украинской республики. После провинции кажется, будто за границу попал», – гражданка вспомнила цитату из недавно читанного мужем опуса. «12 кресел» или что-то в этом роде. Герой там, вот как раз на харьковском вокзале, ждал поезд и строчил письмо супруге.

«Хорошо, что мы ждем уже внутри поезда!» – подумала гражданка и улыбнулась.

Заблаговременно поданный на первую платформу правительственный спецсостав вот-вот должен был стать центром общественного внимания. В трех последних его вагонах размещались так называемые «переезжающие сопровождения». Те, без кого столичная жизнь была немислима и кого вслед за руководством республики тоже переводили в Киев. Не только правительственные чиновники с семьями, нет. Еще актеры, поэты, музыканты, врачи, препода-

ватели... Проще говоря, представители интеллигенции. Ясное дело, не все, а лишь избранные, заслужившие право не только переезжать, но и участвовать в завтрашнем торжественном мероприятии. То есть позировать для газет и раздавать интервью встречающим поезд в Киеве репортерам. Чтобы избежать суматохи, пассажиров сопровождения загрузили в поезд за много часов до отправления одновременно с багажом правительственного вагона и кипой важной Госпромсовской канцелярии. Им предложили собраться в длинном, предназначенном специально для них вагоне-ресторане и настоятельно попросили до Киева ехать тихо, не привлекающая внимания.

– Да, долговато. Да, пестровато, – супруг задумавшейся гражданки продолжил свой пассаж, с подозрением глядя на разноцветный салат неизвестного происхождения. – Но на то и праздник. Разве нет? Сейчас банкет, потом просмотр кинофильмы, а там уже и отправление со спонтанным митингом по случаю отъезда. Все, как обещали. Колоссальная забота о людях, между прочим.

– Забота? – иронично хмыкнув, в разговор вмешался один из соседей по столику. – Бросьте! Что за мизерные гастрономические интересы! Вот «Красная Стрела», что курсирует между Москвой и Ленинградом, – другое дело. Там все продумано. Даже время отправления специальным правительственным указом на 23:55 заменили. Улавливаете? – поймав недоуменные взгляды попутчиков, он продолжил. – Уж, не знаю, кто вы, но путешествуете явно мало. 23:55! Вдумайтесь! Дополнительные суточные для любого командировочного! Вот где забота о людях, вот это я понимаю! А у нас тут – невесть что. Ненавижу ждать! Когда уже отправление?

– Ради такого важного дела можно и подождать! – горячо возразил какой-то юный парень в очках. – Мы ведь с вами теперь часть истории. Этот день Украина никогда не забудет, понимаете? Сейчас нужно сидеть тихо, а завтра в Киеве придет наш звездный час! Знаете, сколько газет на вчера было зарегистрировано в списке встречающих и желающих взять интервью не только у первых лиц Республики, но и у простых переезжающих? Очень много!

Удостоверившись, что за первым столиком потекла светская беседа, официант незаметно переместился дальше по вагону. Увлеченная речами новых собеседников, возмущавшаяся ранее гражданка передумала скандалить, положила себе и мужу добавку горячего и довольно громко зашептала:

– Останови меня, Гриша. Я читала, что непривыкший к обильным трапезам желудок может отказать от плотных перекусов.

– Откажет, тогда и остановимся, – довольный собственной шуткой, хрюкнул супруг. А потом вдруг резко обернулся к соседу, говорившему про командировки: – Я вспомнил, кто вы! Павел Юрьевич, да как же мы сразу друг друга не признали. Я был у вас в гостях в прошлом году! Патефон, селедочка, балкон с видом на площадь Василя Блакитного... Моя крошка, – он кивнул в сторону супруги, – тогда как раз оздоравливалась в Ялте, и я, чтобы не сдохнуть от тоски, пошел с друзьями к вам на ваше феерическое сборище!

– Какая площадь? – Сосед резко изменился в лице. – Не смейте так говорить о моем доме! Нет такой площади в Харькове и не было никогда. А то, что вы ее так называли, не делает вам чести... В моем городе... – тут он на миг замялся и исправился: – В моем бывшем городе в честь абы кого площади не называют...

– Но памятник, – растерянно заморгал сбитый с толку собеседник. – Под вашим балконом на пятиугольной площади, на перекрестке Чернышевской и тогдашнего Сорокинского переулка, был памятник Василию Эллану-Блакитному. Вы еще шутили, что народные харьковские топонимы не имеют ничего общего с официальной географией, ведь памятник стоял всего два года, потом погиб в автомобильной катастрофе, а память, мол, осталась, потому что площадь теперь в прогрессивных творческих кругах никто иначе как Блакитной не зовет...

– Имейте совесть! – вконец обозлился сосед. – Мало ли кто как шутил. Я тогда еще не знал, что поэтишка этот ваш до добра не доведет. Он ведь из этих! – Последние два слова были произнесены с таким нажимом и презрением, что даже непонятливый Гриша понял, о чем речь.

– Да ну! – живо заинтересовалась дородная гражданка. – Прямо «из этих»? А вы почему знаете? И почему никто не говорил?

– А что про него говорить-то? Умер себе в 25-м, и молодец. Не умер бы, тогда вот поговорили бы! А про свою ориентацию он сам намекал всячески. Вы на фамилию хотя бы посмотрите! Взял бы нормальный советский человек фамилию Блакитный? А? Еще бы вместо Эллана каким-нибудь Жовтей назвался бы, тогда бы точно все ясно было. Василь Жовтя-Блакитный! И Хвyleвой у него когда-то в друзьях ходил. Я все помню. Из этих он! Из националистов!

– Ох, батюшки! – брезгливо вытирая рот салфеткой, вздохнула гражданка. – Мы не знали. И стихи его читали, и в библиотеку его имени ходили. Теперь не отмоешься...

– Ничего подобного! – снова вмешался юноша в очках. – Хвyleвой с Блакитным враждовали. И нечего нам тут, гражданин Павел Юрьевич, общественность дезинформировать.

Голос его звучал так строго и уверенно, что все присутствующие вдруг притихли.

– А я что? Я ничего, – пошел на попятную Павел Юрьевич и постарался сменить тему. – Кстати, после просмотра фильма приглашаю всех желающих в мое купе, – он чуть отвел полу пиджака, демонстрируя призывно блеснувший бок стеклянной бутылки. – Тут вроде как не положено, но в хорошей компании мы ведь из любого вагона ресторан сделать можем.

– А из любого ресторана – вагон, – вдруг перебила молчавшая доселе особа с другого края столика. Нервно подскочив, она вытянулась стрелой, отмахнулась от подбирающегося к ней табачного дыма, резко тряхнула рыжими кудрями и направилась к тамбуру. – Извините, голова разболелась. От жары, наверное. И от всех этих ваших разговоров, разумеется. Пойду прилягу. К митингу, конечно, вернусь. На то он и торжественный, что от него не отвертишься...

– Что это за мегера? – наперебой зашептали ей вслед внезапно сплотившиеся пассажиры вагона-ресторана. – Истеричка какая-то. По сценарию банкет и фильма, а она что себе позволяет?

– Ой, не обращайтесь внимания, – посоветовал кто-то. – Я ее знаю. Она давно уже такая, слегка чокнутая.

– Все, значит, сидят-смотрят, как положено, а она вот так вот плюнула и ушла, – возмущение не угасало. – Индивидуалистка! Точно что чокнутая! Предательница!

– Минуточку внимания! – прервал всеобщее недовольство официант. – Наш вагон-ресторан, как и обещано, сегодня стал еще и вагоном-кинозалом. Прошу любить и жаловать, вот наш товарищ техник.

Как только техник включил аппарат и попросил всех опустить затемняющие тенты на окна, к тамбуру подкрался еще один не желающий смотреть киноленту человек. Он осторожно выскользнул за дверь и последовал за рыжей гражданкой. В голове его еще крутилось спасительное: «Разубежу-сагитирую-просто поговорю», а рука в кармане уже поглаживала рукоятку револьвера. Сам себе в том не признаваясь, человек предчувствовал, что убедить никого не удастся, что простить предательство он не сможет, и что совсем скоро жизнь его кардинально поменяется и из обычного, в сущности, романтика, он превратится в жестокого убийцу.

* * *

Взмокший от жары и волнения помощник уполномоченного отделом УГРО и курсант Харьковской школы милиции Николай Горленко, вытянувшись по струнке, нелепо водил глазами по сторонам, стараясь не упустить ни малейшей детали происходящего на перроне. Впрочем, следить особо было не за чем. Провожающие прибывали организованно, оркестранты стояли на местах, вызванные для обеспечения почетного караула красноармейцы и пионеры

дисциплинированно ожидали в тени здания вокзала, положенная пустая линия между поездом и толпой выдерживалась. Большинство коллег Николая работали сегодня в штатском, сливаясь с народом на привокзальной площади или раньше, и контролируя толпу изнутри. А Коле вот не повезло.

– От нас тоже кто-то должен быть на виду, – сказал вчера Игнат Павлович. – Рост у тебя, Горленко, видный, лицо честное. Пойдешь на вокзал выделяться статью. Только чуб подбери, чтобы кучери из-под каски не торчали. Уголовный розыск – дело прямое и ясное, никаких этих ваших завихрений не допускается.

Коля, ясное дело, послушался. Целый час перед выходом волосы приглаживал – не вышло. Была бы дома Света, она, конечно, что-то придумала бы, но жена уже неделю представляла Харьков на конференции библиотечарей и прибыть из Москвы должна была на полдня позже, чем Коле положено было выходить на работу. Да, да, именно жена.

Свадьбу сыграли уже два года как, а Николай, словно зеленый молодожен, до сих пор, мысленно называя Свету женой, улыбался и краснел от удовольствия. Семья получилась самая что ни на есть счастливая.

Но речь не о том, а о кучерях. В конце концов Коля не выдержал, психанул, рубанул чуб ножом под корень, убедился, что из-под каски ничего не торчит, и помчался заступать на службу. А как еще? Начальство пустыми просьбами не разбрасывается.

Причем, ладно бы какое другое начальство, а то ведь лично Игнат Павлович. Если бы не он, Коля в свои двадцать четыре года был бы совсем другим человеком. Четыре года назад, будучи отчисленным с рабфака и уволенным с завода, Коля имел довольно смутные представления о том, чем будет заниматься в жизни. Так уж сложилось, что тогда – то ли от безысходности, то ли по счастливой случайности – прямо на глазах у видного ОГПушника Ткаченко Игната Павловича Коля лихо раскрыл довольно запутанное убийство. С тех пор все и началось. Толковые кадры на дороге не валяются, потому Игнат Павлович в обход всех формальностей привлек Колю к совместной работе и отправил учиться. А чуть позже, когда Угрозыск включили в состав ОГПУ и Ткаченко туда перевелся, он уже вполне официально взял Николая в команду своих помощников. И всегда оберегал, как нужного и перспективного сотрудника. Например, с жильем помог. Или – но про это вслух никогда не говорилось – изловчился ни разу не отдать своих парней на рейды по деревням. Это теперь в сводках внутреннего пользования сообщали, что рейды те были античеловечные, организованные просочившимися в самые верха республики негодьями, чтобы у крестьян зерно отбирать, голод провоцировать и на бунты народ толкать. А год назад никто про такое не знал. Один вот только Игнат Павлович, нутром чуя нечистое, придумывал своим ребятам взамен поездок по области срочные командировки куда подальше или новые курсы переквалификации.

В общем, слово Ткаченко для Коли было законом незыблемым, таким, ради которого и чуба не жалко. Конечно, было немного обидно, что ребята там настоящую работу делают, а Коля тут как дурак в каске стоит, красоту казенного обмундирования демонстрируя. Ясно же, что если плохое и случится, то там, за вокзалом. Толпа из пятнадцати тысяч рабочих, выстроенных вдоль пути правительственных машин к вокзалу, это вам не шутки! А вокруг Коли, увы, никаких неожиданностей не предвидится. Из трехсот провожающих, обязанных явиться прямо на перрон, две трети были переодетыми сотрудниками органов, а остальные прошли такой тщательный отбор, что никаких шальных мыслей от них ожидать не приходилось. Впрочем...

– И чтоб я больше вас здесь не видела! Придумали тоже! Я говорю не положено, значит, не положено! – громко закричала проводница в самом конце поезда. Но сразу спохватилась, пронизываемая, словно выстрелами, гневными взглядами 200 пар глаз. Представители правительства должны были прибыть на вокзал через 10 минут.

Николай быстрым шагом направился к нарушительнице. Возле ее вагона уже стояли два рослых парня в милицейской форме (похоже, всех дежурных сегодня отбирали по росту).

В тамбуре, в глубину которого проводница изрыгала теперь сдавленные ругательства, на полу, перегораживая проход, возлежал огромный неказистый баул.

– Что происходит? – хором спросили работники правоохранительных органов.

– Пассажирка сопровождения чудит! – снова распаляясь, заголосила проводница. – Все купе своими сумками заставила, так мало того – перегородила вагон вот этим страшным мешком нетранспортабельным! Я говорю, такого габарита багаж не положен, брать в купе вам сказано предметы первой необходимости, а остальное все вы багажными вагонами перевозить должны, а она в слезы. Там, говорит, и есть все только необходимое. Любимые книги там, говорит! Кни-ги! Нет, ну вы представляете? Хорошо хоть, кавалер у этой крали попался сознательный.

– Да-да, успокойтесь, гражданочка, я сознательный! Только не кавалер, а бывший супруг. Извольте проявлять уважение! – раздался из-за баула хорошо знакомый Николаю голос. – Мы все поняли. Я увезу этот мешок в камеру хранения. Если смогу, конечно. Тяжелый, зараза. Не зря носильщик с меня столько денег содрал за доставку багажа к купе. Плачу в два раза больше, если кто-нибудь поможет мне сгрузить это недоразумение!

Осознав, что без носильщика от неположенного груза не избавиться, проводница снова осатанела.

– Гражданочка! – снова раздалось из-за мешка. – Будьте добрее, и родина вас не забудет. Закроем глаза на этот досадный инцидент. Да прекратите ругаться, я вас прошу! – Чтобы перелезть через мешок, говорящему пришлось в буквальном смысле оседлать его.

Пытаясь сдерживать улыбку, Коля скорчил самую грозную и суровую из всех своих гримас. Голос не зря показался хорошо знакомым. Нелепо размахивая ногами, будто бабочка крыльями, через баул, словно через козла в спортзале, перебирался известный театральный критик, репортер со стажем и краевед Владимир Морской.

– От ваших криков наш багаж не уменьшится, – с достоинством сообщил он проводнице и, заметив стоящих на перроне правоохранителей, приветливо помахал рукой. – Простите за беспокойство, товарищи милиционеры... Приветствую! Может, кто-то хочет угоститься «житаном»?

Брезгливо избегая соприкосновения с поручнем, он легко спрыгнул с подножки вагона и ловко протянул заграничную пачку сигарет стоящим на перроне. Ребята в ужасе шарахнулись. Распахнутый пиджак, неизменная шляпа, которую Морской носил и зимой, и летом, поток элегантных слов, галантных поклонов и неизменное хвастовство каким-нибудь интригующим заграничным атрибутом... Морской был, как всегда, в своем репертуаре.

Развернувшись к вагону, он поднялся на цыпочки и, изогнувшись буквой Г, вытянулся вперед, снова пытаясь сдвинуть с места свой баул.

– Носильщика, срочно! – сориентировался наблюдавший за происходящим чуть сбоку Николай.

Паровоз уже давал пробные гудки и выпускал клубы дыма. До прибытия на перрон руководителей республики оставались считанные минуты. Уже даже грянул оркестр.

– Благодарю! – на ходу прокричал Морской, уносясь следом за тележкой носильщика. – Вас мне послали свыше! До связи!

Несмотря на солидную разницу в возрасте (журналист был на одиннадцать лет старше), Коля и Морской притягивались и даже, по мнению Коли, могли считаться близкими друзьями.

* * *

Когда правительственный экспресс под торжественные звуки оркестра тронулся с места, Коля, позабыв и о Морском, и вообще обо всем на свете, радостно махал вслед и кричал «ура!» вместе со всеми. От облегчения, что все это, наконец, закончилось.

Решение о переносе столицы в Киев было принято еще зимой, и с тех пор у харьковчан не было ни одной свободной минуты. На всех протоколах, регулирующих организацию переезда, стоял гриф «секретно», однако в городе трудно было найти человека, не вовлеченного в описанные документами задачи и мероприятия. Все были при деле. Отъезжающие безостановочно грузили вещи, стараясь урвать в вагоне своего ведомства побольше места для личных целей в ущерб общественной собственности. Остающиеся спешили застолбить освободившиеся рабочие места и блага, в открытую нещадно ругаясь друг с другом и враг с врагом. ЖЭКи брали на учет жилплощадь, оставляемую отъезжающими, зорко следя, чтобы она была сдана городу, а не распихана по родственникам. Предприятия гигантскими темпами осваивали бюджет, который надо было брать сейчас, пока он еще выделялся по столичным меркам. Переводимые в Киев вузы и печатные издания добивались права оставить в Харькове свои окружные представительства. А преступный элемент – ясное дело – охотился на имущество, которое, как и положено при переездах обеспеченных граждан, аккумулировалось в одном месте, а значит, оказывалось в наиболее уязвимом положении. Лично Коле при этом доставалось вовсе не от преступников, которых взяли на себя более опытные сотрудники, а от мирного гражданского населения.

Вот, например, товарищ Елена Ивановна – старая большевичка, писательская жена и ужасная скандалистка. Собирая вещи, она обнаружила, что ббольшую их часть поела моль. И что вы думаете? Минувя участкового, отправилась напрямик в угрозыск, требуя наказать и обезвредить виновных. Кого? Варианты были разные. От застройщиков, якобы намеренно проложивших в стенах писательского дома изоляцию так, что в ней расплодились вредоносные насекомые, до знаменитого харьковского ветеринарного института, сотрудники которого «могли бы уже давно изобрести что-то полезное для борьбы с домашними вредителями, вместо того чтобы штаны за счет партии протирать». К счастью, у Коли имелись кое-какие связи в литературных кругах. Нашлись добрые люди со злыми языками, доложились супругу Елены Ивановны, тот с молененавистницей поговорил, и она в управление больше не приходила.

Или вот была история. Поступил сигнал, что из здания Всеукраинского центрального исполнительного комитета под шумок переезда изъяты три ковровые дорожки, гардины и позолоченные картинные рамы. С целью перепродажи и личной выгоды. Сигнал недвусмысленно подводил под подозрения завхоза, хотя тот давал честное большевистское, что никогда подобного имущества в глаза не видывал. «Честное слово – врать готово!» – хмыкнул тогда Игнат Павлович и поручил Коле разобраться. Причем, не столько с завхозом, сколько с пропажей, которую надлежало вернуть. Как минимум, потому что обокраденное здание товарищ Постышев собирался подарить пионерам. Должен был появиться огромный, красивый, первый в мире Дворец пионеров, и, хотя информация про эти планы держалась в тайне, все, кому положено, знали и сокрушались – как же ж это детей без положенных ковров оставили. Обыски ни к чему не привели, и, заодно, выяснилось, что донос написал сосед завхоза, претендующий на занимаемые подозреваемым две комнаты с балконом. Тогда Коля решил идти другим путем. Двое суток не спал, сражался с архивами. Благо, Света помогала, а с хорошей женой, как говорится, любое дело в радость. Да, да, именно с женой! Коля снова улыбнулся и немного покраснел. Но речь не об этом, а о будущем Дворце пионеров. Так вот, в журнале «Зодчество» за 1925 год нашлась статья об истории здания Дворянского собрания. И там черным по белому говорилось, что дорожки вынесли еще в гражданскую, рамы тогда же, видимо, не разобравшись, отправили

на свалку вместе с крамольными портретами, а гардины сняли как буржуазное излишество уже в процессе перестройки здания под нужды ВУЦИК.

Или вот еще случай был...

– Мечтаешь? – на плечо Коле легла тяжелая рука незаметно подошедшего командира.

– Никак нет, – вздрогнул Николай. И как только Игнат Павлович вечно умудрялся так тихо подкрадываться? – Рад, что все обошлось без происшествий, потому немного расслабился.

– Да, обошлось, – задумчиво глядя вслед поезду проговорил Ткаченко. – Но расслабляться рано. Чует мое сердце, нам еще этот клятый Съезд писателей крови попьет. А он у нас до начала августа. Но на сегодня все. Свободен. Тем паче, я смотрю, тебя уже заждались.

По хитрому прищурю начальника Николай все понял и обернулся. Светлана ждала у вокзальной стены, озаряя окрестности улыбкой и своим неизменно удивленным и лучистым взглядом. Уже вроде и темнеть начинало, и фонари еще не разгорелись, а Коля видел каждую Светину черточку так ясно, будто стоял от жены в двух шагах. Косы собраны колечками и заправлены под шляпку, дорожный рюкзак – старый Колин, матерью сто раз шитый-перешитый уже – оттягивает плечо, в руках неизменный узелок с провизией. Засияв, словно начищенный медный чайник, Коля кинулся к ней. Соскучился!

* * *

– Ты на вокзале, я – на вокзале. Вот я и подумала, зачем одной домой ехать? Дождусь тебя, заодно в демонстрации поучаствую. Возле театра Миссури – ну того, где нынче оперетта, в котором вечно нет билетов и аншлаги, – соорудили сцену из грузовика. Так хорошо украсили! И транспарант, и ленты, и цветы... Кто докладывал и про что, я конечно, не услышала – далеко стояла, сам понимаешь, какое там столпотворение, – но ощущение осталось самое праздничное. Это ж такое событие! Украина никогда не забудет! – громко щебетала Света. – Ой, да подожди ты, не ешь всухомятку. – Секунду назад она сама вложила Николаю в руки вареное яйцо, а теперь сама же забирала его обратно. – Пойдем в буфет, кипятка наберем!

– Мне в форме в питейные заведения заходить не положено, – вспомнил Николай.

– В привокзальные можно. Я специально приказы недавно просматривала. Видишь, я знаю о правилах твоей службы больше, чем ты! Вот если бы ты больше читал...

– ...То меньше бы работал, и мы бы остались без довольствия.

– Кстати, ты знаешь, что хлеб снова подорожал? Вроде и по карточкам, а того и гляди, тоже станет недосыгаемым... Ой... Ничего, что я про бытовуху? Ты же все равно меня любишь? Сейчас где-нибудь присядем, и я интересное рассказывать начну. Произошло много важного. Я все-таки зашла в гости к тете. Она такая, така-а-ая! – Как всегда, собираясь лишь обозначить тему, Света не выдерживала и принималась вываливать всю информацию сразу. – Не без сложностей, конечно. Например, батьку моего по-прежнему знать не хочет. Он, дескать, недостаточно активно строит социализм и вообще, нарочно запер себя в сельской школе, чтобы коммунистическому обществу должной пользы не приносить. Но в остальном она прямо вот настоящий человек-человечище! Заведует двумя писательскими библиотеками, между прочим! – Света тоже и работала, и училась на библиотекаря, причем этот путь она выбрала задолго до знакомства с теткой, потому совпадение профессий явно считала знаком судьбы. – Меня тетка Евгения приняла с интересом и, кажется, даже одобрила. Порассказывала всякого про жизнь. И как до революции в подполье работала, и как потом в ссылке с мужем и детьми была. А сейчас она в таком доме живет, ты ахнешь! «Пятый Дом Советов», называется. Там что ни комната, то знаменитый старый большевик. Что ни квартира, то работник Совнаркома! – Тут Света сделала эффектную паузу и выложила главный свой козырь: – И ты не поверишь! Она дружит с Шолоховым! Знаменитый писатель, всем миром почитаемый, мою тетю в пись-

мах ласково именуется «мамушка». Я даже видела эти письма! Когда тетка Евгения заведующей отделом была в «Московском писателе», ей еще и 50-ти не было, то наткнулась на одну никем не читанную рукопись, присланную на рассмотрение. Это был «Тихий Дон» Шолохова. Ух, как она за него боролась, как грызлась с нежелающими рисковать, публикуя такую сложную прозу, коллегами. Да и с самим писателем ругалась, первую книгу «Дона» редактируя. Он, говорит, рубил с плеча. Она ему пару замечаний – а он всю главу уничтожает и переписывает. Если бы не моя тетка, «Тихий Дон» ни за что не опубликовали бы!

– Светик, да ты хвастаешься! – беззлобно поддразнил Коля.

Глядя на эту парочку, вслушиваясь в их реплики, наблюдая за пластикой, притаившийся за колонной Владимир Морской испытывал одновременно и острое умиление, и глухую боль. Оба белесые, чуть сумасшедшие, влюбленные, одухотворенные и старательно изображающие взрослых людей... В первый миг все это вызывало улыбку. Боль же появлялась оттого, что у самого Морского ничего подобного не вышло и уже никогда не выйдет. Избыток опыта и понимание человеческой психики ставили крест на способности так безоглядно увлекаться.

Света так потащила мужа к буфету, и парочка непременно наткнулись бы на решившего перекурить в тени Морского, если бы тот не выскочил к ним сам.

– Мое почтение прелестному созданию! – Морской поклонился вечно смущающейся от подобных знаков внимания Свете и доложил Николаю: – Только избавился от этого ужасного мешка. Сотрудники камеры хранения, видите ли, тоже хотели проводить поезд и торчали у окон.

Света с Колей набросились с расспросами, и через пять минут троица уже весело хохотала над происшедшим.

– Бывшие жены – то еще наказание! – охотно и громко принялся жаловаться Морской. – Ладно, попросила проводить. Ладно, спихнула на меня вещи, а сама пошла в ресторан доложить о прибытии. Так ведь еще и скандал затеяла! А я, значит, расхлебывай. Когда услышал, что внутри мешка ящик с книгами, чуть не лопнул от злости. Я полчаса бедной проводнице голову морочил, рассказывая, как моя дама не сможет и дня прожить именно без этой части своего багажа, а тут – на тебе – книги!

– Погодите-погодите, – Светина доскональность никому не давала спуска. – А почему Двойра решила переезжать в Киев? Разве их больницу тоже переводят?

– Двойра? – Морской знал, что придется объясняться, но старательно оттягивал признание. Он был женат трижды, второй раз весьма мимолетно и совсем без последствий, поэтому, заслышав о «бывших женах», Света с Колей, разумеется, подумали о Двойре, с которой у Морского остались дружеские отношения и общая одиннадцатилетняя дочь. – Разве я говорил, что речь о Двойре? – Нужно было решиться и все рассказать. Признаться близким друзьям семьи, что семья распалась. Что их любимая Ирина – не жена Морскому больше, а их всегдашние шуточки, мол, «таких красивых пар не бывает!» больше не смешны. – Мы с Ириной развелись. Давно. А вот теперь и расстались. Навечно, – выдал из себя он, ощущая, что, оформленный в слова, этот факт почему-то доставляет еще больше боли.

Воцарилась напряженная пауза. Для всех знакомых Морской и Ирина давно уже были образцом счастливой пары. Быть может, слишком импозантной и богемной, но незыблемой. На глазах у Светы, кажется, даже выступили слезы.

– Перестаньте, – растеряв всякое умение балагурить, прошептал Морской. – Не надо, пожалуйста, никаких комментариев и, тем более, сочувствий. Ирина решила уехать, а мой выбор – остаться. Я даже попробовал переехать в Киев, чтобы не сойти с ума, оставшись тут, где каждый перекресток напоминает мне об утраченных счастливых временах. – Морской мрачно усмехнулся. – Но нет. Переезд – не мое! Опять все эти «нас вами уплотнили, так что мы вам в суп плевать станем» от соседей, опять «волка ноги кормят» в редакциях. Мне 35 лет. Я все это уже проходил, хватит. Да и потом, куда ж я без Харькова? И как он без меня?

– А она? – Света обладала принеприятнейшим даром безошибочно спрашивать о самом наболевшем. – Ирина без вас как?

– Не знаю, – Морской резко отвернулся. Он устал об этом думать. Конечно, он волновался. Конечно, не представлял, как она справится. Но Ирина ведь знала, что делает, когда принимала предложение уехать. И, как бы ни пытался Морской закамуфлировать ее решение жизненной необходимостью, в глубине души он все равно понимал: его предали. Годы, проведенные вместе, как оказалось, ничего не стоили и никак не влияли на Иренино звездное будущее. Отгоняя обиду, Морской через силу улыбнулся и вслух сказал: – За Ирину не беспокойтесь! В последнее время отношения у нас совершенно охладели. Решение развестись и перестать обременять друг друга обязательствами было верным и благородным. – Аргументы явно не действовали, поэтому Морской решил перейти к более действенным репликам. – Подозреваю даже, что у нее давно есть кто-то другой, – сказал он и сам испугался сказанного. А вдруг правда? Огляделся с подозрением, смахнул морок и решил сам себя не накручивать: – Сменим тему, друзья! Вы, я так понимаю, тоже ждете, когда схлынет толпа? Думаю, минут сорок у нас еще есть до более или менее свободного трамвая. С удовольствием послушаю про ваше житие-бытие. Вы ведь к нам... то есть ко мне... сто лет уже не заживали...

* * *

Домой Морской вернулся нескоро и в смешанных чувствах. С одной стороны, общение со Светой и Колей немного развлекло его, с другой – усугубило ощущение отчаянного одиночества. Горленки были словно из какой-то другой жизни. Минимум, с далекой планеты КИМ из фантастического романа Палея. Света собиралась писать письмо Сталину. Потому что ее тетка когда-то передала вождю письмо Шолохова, чем инициировала спасение множества людей от голодной смерти. О чем хотела писать Света? «Еще точно не знаю, но, конечно, о самом важном, потому что, имея возможность, нельзя бездействовать, а нужно непременно творить добро и заботиться о справедливости». Николай тоже радел об общественном: был искренне счастлив, что сегодняшнее мероприятие прошло на высоте, и день, который Украина никогда не забудет, был представлен Харьковом в наилучшем виде. Оба были полны планов и радужных ожиданий. На их фоне Морской, со своими гнетущими мыслями о решившейся на отъезд жене, выглядел отчаявшимся стариком и неудачником.

Пройдя в спальню, он оторопел. Едва прикрывшись пеньюаром, обнимаемая мягким светом ночника, в его постели сидела женщина. Она улыбнулась, как ни в чем не бывало, перелистнув страницу рассматриваемого журнала.

– Вы? – ахнул Морской. – Бросьте! В конце концов, это неэтично. Я только что окончательно расстался с супругой!

– Подумаешь, – раздалось в ответ. – Вы же сами говорили, отношения давно разладились. К тому же, она вам изменяет... Забудьте о ней и идите ко мне!

Морской схватился руками за виски и неожиданно для самого себя расхохотался.

– Не знаю, как Украина, а я эту ночь точно никогда не забуду! – провозгласил он и, послав к чертям сомнения, кинулся в манящие объятия.

2

Объять необъятное.

Глава, где вам запахнет Маяковским

Глубокой ночью в дверь первой квартиры двухэтажного коттеджа по адресу переулок Решетниковский, 3 резко и уверенно позвонили. С глухим рычанием Коля вскочил с постели и выглянул в окно. Не видно было ни зги.

– Что такое «зга»? – автоматически спросил он у поднявшейся было Светы. Жена улыбнулась, покрутила пальцем у виска, перевернулась на другой бок и сладко засопела. Еще бы! Вечер вчера был бесконечный! Пока Света рассказывала матери о поездке (и о слете библиотекарей, и о Москве, и о тете, конечно же), пока остригала Колины кудри почти под корень, вровень с обскубанным чубом (вот и недавно законченные курсы парикмахеров пригодились!), пока все остальное (ведь целую неделю не виделись!)... В общем, уснули всего пару часов назад.

За шкафом заворочалась мать.

– Спице, я разберусь! – бросил Коля в темноту, сгреб в охапку вещи и, на ходу одеваясь, помчался на лестницу.

Все в этом доме Коле нравилось – и канализация проведена, и душ имелся, и сарай для угля во дворе. Все, кроме удаленности входной двери и отсутствия личных звонков для каждой комнаты. По выведенным гигиенистами в допотопные двадцатые года нормам в такой квартире полагалось проживать одной семье, поэтому и звонок на входной двери должен был быть один, чтобы социалистический быт не порочить перед заезжими журналистами. То есть к кому пришли – не ясно, но изволь спускайся открывать, потому что, если потом окажется, что к тебе, то соседи еще неделю ворчать будут, что им пришлось тебя вызывать и беспокоиться.

Настойчивый звонок повторился.

«Сейчас все в квартире на уши встанут!» – подумал Коля, спускаясь на кухню. Щелкнул выключателем, глянул за окно. Черный «воронок» с выключенными фарами, двое в форме у двери.

– Это ко мне! – успокоил Коля дядю Сеню, высунувшегося из-за угловой двери.

– Не открывай! – зашептал сосед, наполнив пространство острым запахом перегара. – За Михалычем тогда тоже так пришли. Тоже ночью, тоже двое. И автомобиль тот же, по-моему. Больше Михалыча никто не видел. Не открыл бы, глядишь, все бы и обошлось...

– Не распространяйте пугальщину! – рассердился Коля. – Михалыч ваш злоупотреблял служебным положением. А нам с вами бояться нечего.

Что за народ? Ведь знают же, как дело было, а верят дурацким слухам про несправедливые аресты и обыски. Коля еще два года назад, когда в эту квартиру въехал и по случаю новоселья во дворе стол накрывал, подробно с соседями о происшедшем поговорил. И все тогда сошлись во мнении, что да, все правильно, Михалыч – он хоть и высокий начальник, но жук еще тот. Воспользовался связями и незаконно заселился в коттедж, где должны были жить исключительно заводские да фабричные рабочие. Причем, весь второй этаж себе заграбастал – целых две комнаты, хотя жил один с прислугой.

Таких удивительных квартир в городе было всего 70. В середине двадцатых годов, когда пошла волна мощного строительства, но еще не было ясно, что многоэтажное общежитие и многоквартирный дом куда удобнее и полезнее для социалистического быта, харьковские инженеры отстроили для рабочих небольшие коттеджи по модному английскому образцу. В доме два подъезда, в каждом по одной квартире, занимающей сразу два этажа. Внизу кухня, удобства и небольшая уютная комнатка, вверху – комната побольше, на два окна, и еще одна махонькая, зато с балконом. 45 квадратных метров, плюс чердак, подвал, сарай, балкон и собственный палисадник под окном. Большая тогда была шумиха со сдачей этих домов и заселением. Комнаты, как и было обещано, заселили заводчанами, распределили между профсоюзами железнодорожников, «Металлистом» и химиками. Текстильщикам тоже полагалось 5 %. Но в профсоюзе текстильщиков за дело взялся настоящий аферист, мало того, что по дружкам своим жилью распродавший, так еще и себя любимого двумя комнатами наградивший невестку за какие заслуги. В начале 30-х, когда этот тип был в разработке у Игната Павловича по совсем другим делам, заодно и на незаконно нажитую жилплощадь внимание обратили. Коля со Светой и с матерью – как раз самой, что ни на есть текстильщицей, отдавшей фабрике 30 лет жизни и все здоровье, – обитали тогда на Клочковской улице в полуразрушенной столетней хибаре, которая, как Коля с соседскими мужиками ни старались, никакому ремонту уже не подлежала. Смешно вспомнить! Чтобы нужду справить, приходилось через забор сигать, потому что деревянный домик с ямами для общественных нужд был общим на четыре дома, а до калитки пока дойдешь, так всякое случиться может. Особенно сложно Коле было первые годы после операции. Схлопотал огнестрел, расследуя то самое, так приглянувшееся ОГПУ убийство, чудом выжил и долго еще передвигался с трудом. А тут – сортир на соседней улице и всегда с очередью. В общем, подсобил тогда Игнат Павлович. Принес Колиной матери ордер на заселение в одну из оставшихся от афериста Михалыча комнат. Как подарок на свадьбу сына. Все честно. Мать всю трудовую жизнь на очереди стояла и комната ей, конечно, была положена. Тем паче, сын и невестка хоть и не у станка стоят, а служащие, но оба и работают, и учатся, и по всем показателям представляют из себя ту самую ячейку общества, про которую в газетах пишут, что надо поддерживать... Во вторую комнату заселили товарища Наймана, немецкого инженера, приглашенного к харьковским заводчанам для обмена опытом еще до того, как скотину-Гитлера назначили рейхсканцлером, и отношение СССР с Германией резко разладились. Внизу же еще с «михалычевских» времен осталось жить семейство дяди Сени – жена, две дочери-школьницы и взрослый уже сын. В целом, очень даже дружные соседи.

В дверь позвонили в третий раз. Коля встрепенулся и наконец открыл. Ребята оказались знакомые.

– Срочный вызов, собирайся, поехали! Вещей дня на два брать сказано.

Коля кивнул и пошел собираться. На лестнице столкнулся с полусонной Светой, накинувшей плащ поверх ночной рубашки. Поняла с полуслова, вопросов мужу задавать не стала, а обратилась сразу к гостям:

– Может, кофе выпьете? У меня запасы желудевого теперь есть. В Москве угостили. И вкусно, и полезно, и на ночь можно пить... Хотя вам, наверное, все равно, что ночью, что днем...

Ребята были что надо: совестливые и тактичные, до чужих запасов не жадные. Поблагодарили за заботу, сказали, что будут ждать на улице, ушли.

– Ой, дура-девка! Этим все равно, что желудевый, что какой – все равно не подохнут, – снова высунулся из своего логова дядя Сеня. – Они у ней кормильца отбирают, а она их кофеем баловать собралась.

Света, беззлобно кинув в ответ что-то о вреде выпивки и глупости, заторопилась наверх помогать Коле собираться.

* * *

Бывают такие приказы, исполнять которые – сплошные мучения, вдобавок еще и совершенно незаслуженные. Уже несколько лет, как в темное время суток сотрудникам правоохранительных органов при исполнении запрещалось ходить поодиночке. Понятно, что были когда-то прецеденты с нападениями и кровавыми расправами. Но нынче же уже не 32-й и даже не 33-й. Продовольствие уже никто не собирает, прошлые ошибки признаны и объявлены перегибами. Психоз спал, отношение гражданских к органам нормализовалось... Можно было бы и отменить тот приказ. Но нет! Вместо того, чтобы выскочить из авто и пробежать через двор, Коля был вынужден объезжать с ребятами здание и сдавать машину в гараж, чтобы потом всем втроем бежать в кабинет к Игнату Павловичу. «Срочный вызов» называется!

В кабинете начальника было так накурено, что Коля не сразу понял, кто сидит за столом. Неужто сам товарищ Журба? Не показалось ли? Знаменитый начальник угрозыска, потерявший когда-то в схватке с бандитами глаз и по сей день нещадно ломающий планы преступного мира, коротко кивнул доложившимся, разрешил войти и скомандовал «вольно».

– Если быстро не разберемся, все под суд пойдем! – закончил он мысль, обращаясь к сидящему напротив Игнату Павловичу.

– Вас понял! – устало кивнул тот. Потом обернулся к ребятам. – О! Горленко мой, уже, кажется, подготовился, – Игнат Павлович взъерошил свой затылок, поясняя, что шутка была о новой «почти лысой» прическе Николая. Потом посерьезнел и дал вводную: – В Полтаве обнаружен пренеприятнейший труп.

– Хорошо! – не удержался Коля, предвкушая настоящее дело, но тут же понял, что скандалу лишнего и принялся оправдываться: – Хорошо, что не у нас, я имею в виду.

– В том и дело, что труп – наш, – рубанул Игнат Павлович. – Приехал в отправленном нами, сто раз проверенном, правительственном – на секундочку! – поезде. Киев о нем и слышать не хочет, им сейчас вообще не до подобных глупостей. К ним в период неслабого разгула бандитизма внезапно множество обеспеченного народа привезли, им теперь год еще не спать, налаживать взаимодействие. Полтава, где труп обнаружили, честно призналась: «Мы такое расследовать не сможем» и согласилась лишь без лишней шумихи забрать труп с вещдоками на краткосрочное хранение. Время смерти, похоже, – момент отправления поезда. Так что произошло все буквально на наших глазах и уж точно на нашей ответственности.

Коля с ребятами ошарашенно переглянулись. Все трое – Коля в форме, а ребята в штатском – в момент отправки поезда находились на перроне. Все трое не видели ничего подозрительного. Проверкой пассажиров и провожающих занимался другой отдел, но сомневаться не приходилось – отбор проходил очень тщательно. Все подступы к поезду при этом были под контролем милиции. Неужели все же без происшествий не обошлось?

– Сейчас у нас три задачи, – говорил Игнат Павлович. – Обеспечить делу секретность, чтобы мнение о безупречности отправки поезда не пострадало. Как можно скорее разобраться, что случилось. И, само собой, наказать виновных. Если не найдется какого-то оправдывающего промах органов обстоятельства, то виновными, в том числе, будем и мы. Правильно я говорю, Михаил Николаевич?

Журба отмахнул клубы дыма от здорового глаза, пристально глянул на присутствующих и, коротко кивнув, разрешил Игнату Павловичу продолжать.

– Обстоятельства смерти самые что ни на есть загадочные. Дама одна в купе. Сидит за столом, в руках красноречивая и даже сильно смягчающая обстоятельства записка: «Простите, я неважно себя чувствую». В голове – пулевое отверстие.

– Самоубийство? – с нескрываемой надеждой хором выпалили слушатели.

– Стреляли в затылок. Хотя, может, и в левый висок, но жертва дернула головой, отворачиваясь. Дама правша. При всей изобретательности и хорошей растяжке так для самоубийства не изогнешься. Да и револьвер не нашли, если это, конечно, был револьвер. Я пересказываю слова наших полтавских коллег, потому будет много допущений. С момента, как труп последний раз видели живым, до Полтавы за стенкой в купе проводников сидел наш информатор. Верный, надежный человек. Проводником всю жизнь работает, с нами сотрудничает почти столько же. Клянется, что не слышал выстрела. А это вам не шепот или шаги, это очень громкий характерный хлопок. Отсюда делаем вывод – убили в момент, когда поезд тронулся. Тогда играл оркестр и тарелки били особенно звонко. Слившись с ними, звук выстрела был бы замаскирован.

Рассказ перебила трещотка телефона. Журба взял трубку, представился, выслушал, поблагодарил.

– Подтвердилось, – твердо сказал он Игнату Павловичу. – Вскрытие показало время смерти. Точно до девяти вечера. Жертва успела поужинать в вагоне-ресторане, но, судя по содержимому желудка и показаниям проводников, вместо фильма пошла в свое купе, где и была довольно скоро убита. Произошло все это еще в Харькове. Труп наш. Начинайте действовать!

Уже в дверях начальник угрозыска вдруг остановился. Обернулся, посмотрел почему-то именно на Колю и сказал со вздохом:

– Я, конечно, должен вас как-то подбодрить. Давайте, мол, орлы, не посрамите честь, верю, что справитесь. Но я не люблю врать. Дела наши поганые – место преступления уехало и осматривать его можно только тайно, свидетели разбежались и в происшедшее посвящены быть не могут. Убийца, судя по всему, один из пассажиров или работников поезда, потому что в момент отправления никого больше в вагоне быть не могло. А это все люди или нами проверенные, или нами назначенные, или близкие к самому высшему партийному руководству. В общем, если справитесь с этим делом – будете героями. А героев у нас в стране любят, по себе знаю! – Легенда советского сыска подмигнул здоровым глазом и нырнул в недра коридора.

– Значит, так, – не дал ребятам опомниться Игнат Павлович. – Вы двое немедленно отправляетесь в Киев. Осторожно общитесь поездом. Аккуратно поговорите с теми свидетелями, что видели жертву с момента посадки в поезд. Официальная версия – сердечный приступ. А мы с тобой, Горленко, немедленно выезжаем в Полтаву забирать все, что может пригодиться в расследовании. И, ты это, повспоминай пока кое-какие моменты своей биографии. Жертва тебе хорошо знакома. Это жена твоего друга Морского. Вернее... – Игнат Павлович заглянул

в толстую папку на столе. – Вернее, уже не жена. Ирина Онуфриева. Балерина. Переведена вместе с частью сотрудников Харьковского Оперного театра для укрепления киевской труппы. В поезд рекомендована лично директором театра товарищем Яновским. Отобрана как представитель бывшей аристократии, добившийся высот в нашем коммунистическом обществе, подтверждающий своим примером равные права и возможности...

Сердце Коли бешено колотилось, заглушая последние слова Игната Павловича. Ирина мертва? Ирина убита в тот самый момент, когда Коля, призванный оберегать покой пассажиров, радостно махал вслед уносящему ее тело поезду? Упиралась, уже бездыханная, в стенку купе простреленным затылком, пока бедный Морской, стараясь скрыть боль, рассказывал друзьям, как, в сущности, правильно было развестись и более не стеснять друг друга? А вдруг была еще жива? Вдруг можно было спасти, вовремя заподозрив неладное? Мать честная! Как же с этим всем теперь жить? Света так любила Ирину... Как она справится с потерей?

* * *

Следующим утром ничего не подозревающая о волнениях мужа Светлана ехала в трамвае и с энтузиазмом прокручивала в голове план будущих свершений. Чтобы не заскучать дома в свой единственный выходной, она решила немедленно заняться хлопотами по составлению письма товарищу Сталину. И тему подобрала самую подходящую. Библиотекарь должен писать о том, в чем разбирается, правда? Поэтому Света решила отстоять несправедливо раскритикованную и закрытую недавно библиотеку им. Василя Блакитного. Да, это учреждение пропагандировало украинский язык! Да, директор библиотеки – большой умница, убежденный коммунист, хороший поэт и очень добрый человек, все свободное время посвящающий приобщению детей к литературе, – говорил обожающим его посетителям, что читать книги нужно или в оригинале, или в украинском переводе. Да, все русскоязычные издания библиотека возвращала обратно на склад (кстати, именно возвращала, а не выкидывала, как заявил один из докладчиков на громящем библиотеку собрании)! Но ничего общего с национализмом и вредительством это не имеет! Почитайте учебники! У каждой библиотеки должен быть свой контингент, формирующийся или по территориальному принципу, или по сфере интересов посетителей...

– Библиотека имени Василя Блакитного создавалась по вашему же приказу как центр украиноязычной культуры! – собиралась сказать на том памятном собрании Света. – Не удивительно, что она распространяла именно украинские книги. Я, как сотрудник центральной городской библиотеки, могу сказать точно, что доступ к русскоязычным аналогам у всех читателей имеется. Его предоставляет и центральная, и любая районная библиотека. А тот, кто хочет читать специализированно украинскую литературу, тот идет в библиотеку Блакитного. Это правильно! Ведь мы же не закрываем театральную библиотеку из-за того, что в ней не достанешь книг по домоводству!

В этом месте по задумке Светы участники собрания должны были рассмеяться и одуматься. Но вместо этого Свету попросили сесть на место и не выступать. Причем последнее как в прямом, так и в оскорбительном переносном смысле. Что ж! Сами виноваты! Не захотели послушать Свету, послушают руководство из Москвы, которое, получив распоряжение товарища Сталина, конечно же, с несправедливостью разберется и попросит «не выступать» уже не Свету, а тех, кто незаслуженно закрывает советские учреждения культуры. Ей даже не пришлось долго возиться с формулировками – текст речи для выступления на собрании вполне годился для черновика письма. За спиной у активно участвующей в общественной жизни Светы были и курсы машинисток, и курсы ораторов, и специальное библиотечное образование, так что квалификации для грамотного послания хватало. А вот авторитета – нет. Потому Света хотела заручиться поддержкой знаменитостей и направлялась сейчас напрямик в дом писателей «Слово», чтобы собрать подписи в поддержку безвинно закрытой библиотеки.

Заручившись поддержкой именитых писателей, она хотела собрать пожелания, быстренько, с их учетом, напечатать чистовик письма и снова вернуться за подписями. Все это можно было проделать сегодня же. В один день совершив такое большое и важное дело!

Заметив краем глаза, что в трамвай вошли два беспризорника, Света автоматически крепче вцепилась в оттопырившую карман авоську. Та была пустой, но могли утащить и такую. Подобное уже случилось два года назад, когда мальчишка с фингалом под глазом вырвал у Светы из рук сумку – пустую, но зато украшенную вышитым Колиной мамой цветочком, – и убежал. Света была безутешна! И из-за пропавшей вышивки, и из-за того, кто утащил... Ведь парень был из тех самых мальчишек-детдомовцев, с которыми раньше, когда было чем, она всегда делилась, бросая в шапку их «официального представителя» на остановке половину припасенного на собственный обед пирожка или бутерброда. И вот, как только делиться стало нечем, мальчишки нагло украли сумку! Света понимала, что голод обостряет в людях все звериное, но простить не могла, обижалась и ни мелочи, ни еды больше никому подавать не собиралась.

– Это и к лучшему! – утешал тогда Коля. – Во-первых, перестанешь весь мир спасать, от себя отрывая последнее, во-вторых, может, наконец, прекратишь ходить со своими этими яркими сумочками и воров провоцировать.

Спасать Света перестала, а вместо сумки стала брать авоську. Удобно! Свернул ее, в карман забросил и не беспокоись. А если где что попадется – есть во что положить купленное. Света была девушкой практичной и ловкой. Издали завидев очередь, всегда успевала занять, узнать, что дают, сбегать на работу или учебу, чтобы отпроситься и одолжить деньги, вернуться и купить столько, сколько давали в одни руки, чтобы потом, конечно же, поделиться этим с коллегами. Даже в ужасные голодные, полные неурожая два последних года, когда нигде давно уже случайно ничего в продажу не выбрасывали, Света все равно ходила с авоськой. Как с символом надежды и оптимизма. И доходилась, между прочим! Этим летом жизнь магазинов и базаров понемногу налаживалась.

– Сходить будете? – От размышлений Свету отвлек пожилой дедуля, больно стукнув ее палкой по ногам. – Если нет, то в дверях висеть нечего!

Света попятилась, пропуская агрессивного дедулю поближе к выходу. Сходить ей надо было после того, как за окном проплывет расположенный на перекрестке Карла Либкнехта и Харитоновского переулков дом работников ОГПУ (там жил Колин начальник, и Света один раз даже была приглашена туда на светский чай, но не пошла, потому что Колина мама тогда еще не пошла ей платье, а идти в повседневном и штопаном на такое важное сборище было стыдно). Дедуля вышел и направился напрямик в тут же показавшийся за окном дом ОГПУшников. «К такому ведомству относится! Должен бы людей защищать, а бьется! – мысленно возмутилась Света и тут же мстительно сощурилась: – Потому в таком почтенном возрасте на трамваях и разъезжает. Не то что Колин Игнат Павлович! Тот всегда на моторе, потому что хорошо работает, и государство его время бережет!» Света была уверена, что через сколько-то лет у Коли тоже будет служебный автомобиль. А что? В право питаться вместе с женой в закрытой столовой руководящего состава тоже раньше никто не верил, но ведь дали же!

Сойдя с подножки трамвая, Света огляделась и пожалела, на манер героини Островского, что люди не летают, как птицы. С высоты птичьего полета даже здесь, на окраине города, разыскать писательский дом «Слово» ничего бы не стоило, ведь архитекторы выстроили его в виде буквы «С». С земли, как Света и опасалась, таких подробностей видно не было, потому найти не то что нужный дом, но даже нужную улицу оказалось довольно сложно. Когда прямо по курсу выросла мощная громадина под названием дом «Красный промышленник» (его Света узнала, так как читала, что первый этаж дома занимает школа, а сейчас увидела на подъездной двери вывеску «Школа № 105»), стало понятно, что от остановки нужно было идти в другую сторону. Пришлось возвращаться. Впору было спросить у кого-то, где находится искомый

перекресток, но всезнающих сидящих под подъездами бабушек в новостройках еще не завелось, а случайные прохожие могли дать ложные ориентиры. Была у Светиных сограждан в последнее время такая странная манера – высказывать свое мнение, не заботясь о знании предмета.

Впрочем, все обошлось. Тихая, пыльная и, естественно, небогатая улица Красных писателей оказалась совсем близко. По ней, как выяснилось, надлежало пройти почти до конца. Там, перед бараками с Барачной же улицы и большим оврагом, возвышался окруженный элегантно оградением из бетона и труб заветный пятиэтажный дом «Слово» – место жительства большинства знаменитых писателей и художников Харькова. С некоторыми из них Света была знакома по работе или через батьку (Светин батька, хоть и жил за городом в поселке, но, как выдающийся учитель, имел непосредственное отношение к просветительской деятельности и дружил с харьковской интеллигенцией). Про некоторых она знать ничего не знала. Но все равно факт присутствия в двух шагах от жизни таких людей, как, например, Тычина или Йогансен, заставил Свету оробеть.

Возле расположенного в торце дома первого подъезда, окруженного массивными колоннами, поддерживающими козырек, на элегантно доске красовались номера квартир, фамилии жильцов и кнопки звонков. «С кого бы начать?» – задумалась Света. И тут прочла: «Быковец Михайло Михайлович». Конечно! Как она сразу не подумала! Первым делом задуманное письмо надо обсудить с директором закрытой библиотеки. Света решительно нажала на кнопку звонка.

– Вам кого? – С балкона второго этажа тут же свесилась весьма удивительная особа. Странное одеяние, непристойно обнажающее левое плечо, было выполнено из той же светлой грубой ткани, что и широкополая шляпа. Шею гражданки высоко стискивали нити темного ожерелья, на котором вместо кулона болталось неприятно крупное черное украшение. – Вы к нам? – снова обратилась к оторопевшей Свете незнакомка. – Тут провода звонков перемешаны, как во взбесившемся коктейле. Местные детишки шалят, как мне доложили. Звонишь одним жильцам – выходят другие. Вы нас нажали по недоразумению или потому что идете именно к нам?

– Мне все равно к кому, – наконец набралась решимости Света. – Я коллективное письмо пишу и важные подписи собираю...

Незнакомка, томно вздохнув, глянула вдаль и, обращаясь будто бы к самой себе, поучительным тоном заявила:

– Три ошибки в одном изречении! Куда катится мир! Один человек не может писать коллективное письмо. Если письмо еще не написано, то под чем же собираются подписи? И если все равно, к кому обращаться, то как же эти подписи можно называть важными? Впрочем, – тут гражданка пристально глянула на Свету, – случай все же может быть интересен! Поднимайтесь к нам! Только парадным тут не пользуются. Зайдите со двора. – Света покорно двинулась обходить дом, но обернулась, услышав, как незнакомка закричала: – Алло? Да-да! Давно уже жду, не кладу трубку, как вы и сказали, соединяйте! – «Кулон» оказался частью телефонного аппарата, а ожерелье – обмотанным вокруг шеи проводом. Света несколько раз потерла глаза, не веря, что кто-то мог додуматься таскать телефон за собой. Гражданка тем временем требовательно обратилась в глубь квартиры: – Милочка! К нам сейчас зайдет гостья! Впустите и, если можно, хоть раз подайте чаю... У меня важный разговор, я не могу отвлекаться!

Вскоре, поправляя сбившиеся под косынкой косы и старательно пытаясь отдышаться, чтобы не пыхтеть, Света робко стучала в указанную квартиру. Удерживаемая холодно звякнувшей цепочкой, деревянная дверь осторожно приоткрылась. В проеме раздалось недовольное «ох!», после чего дверь закрыли снова и, судя по звуку, сняли цепочку с замка. Упомянутая незнакомкой «милочка» милой явно не была. По крайней мере с гостями. Света немного подождала, потом толкнула дверь и, так как та оказалась открытой, вошла внутрь и тихонько прошла вперед по длинному коридору. В дальней комнате, вытянувшись на кошачий манер,

в кресле сидела незнакомка с балкона. Шляпа, лежащая теперь на чайном столике, казалась слишком большой для аккуратной головы с гладко зачесанными назад темными волосами, а платье при ближайшем рассмотрении больше всего напоминало перевернутый и стянутый чуть набок мешок, с разорванным под рукава и шею дном.

Гражданка громко разговаривала с телефонной трубкой:

– Что? Да! Все хорошо. Арагоша доволен, и даже я спокойна. Такой город отстроили! Только поездная станция и осталась похожей на прежнюю. Что? Ну да, «вокзал» – я слово подзабыла. Все хорошо. Кроме отдельных моментов, как всегда. В этот раз мы решили посмотреть настоящий писательский быт и решительно отменили идею с гостиницей. Нам выделили квартиру в доме, построенном нарочно для литераторов. Завидуй! Целых пять подъездов творческой интеллигенции. Детсад в цоколе, соляриум для принятия солнечных ванн на крыше. Вам такое пока и не снилось! Да, именно чтобы спокойно позагорать. Да, на крыше. Душ, и даже не один, вмонтирован в стену. В деталях все, конечно, не ахти: соляриум давно облюбовали местные детишки, и взрослым, кто не хочет быть облит водой, обсыпан мелом или даже обстрелян из рогатки, заходить туда опасно; балконы разбросаны не по справедливости и без всякой логики, в каких-то квартирах два больших, в соседних – один маленький; питание положено в столовой, но местная закрыта, а до другой прилично добираться, а на трамвай у многих нету денег, потому что жены тут довольно слабохарактерные, а литераторы без жесткого контроля, ты ж понимаешь, сорят деньгами после получения гонорара, ну а потом страдают на мели. Короче, не без сложностей, но сам факт наличия такого дома впечатляет!

Не совсем понимая, что более невежливо: топтаться в коридоре подслушивая или без приглашения явиться на глаза хозяйки, Света выбрала второе и прошла вдоль длинного телефонного провода прямо в комнату. Незнакомка улыбнулась и, не прерывая беседы, кивком указала на деревянный стул. Света отметила про себя, что второе кресло ей не предложили. Впрочем, оно было наполовину разложено и завалено ворохом несвежих одеял, которые хозяйке, возможно, было недосуг разбирать.

– Чтобы добиться разрешения не жить в гостинице и поселиться в подходящей нам квартире, пришлось ругаться с организаторами. Но ты же меня знаешь. У одной дамы из огкомитета пигментное пятно на щеке – я подарила крем и показала, как моя кожа выглядит без краски. Другой – мужчина очень напряженный – проникся, что я так прилежно изучаю труды Ленина и ценю его о них мнение. Не Ленина, конечно, а мужчины... В общем, все обошлось и вышло по-моему. Как? Пойдешь еще поспишь? Иди, конечно. Маши ручкой Осика, целуй в макушку Кусика и прочих.

Незнакомка положила трубку и с явным интересом взглянула на Свету. Большие светящиеся глаза ее при этом наполнились теплотой, а улыбка мгновенно преобразило лицо, превращая хозяйку квартиры в красавицу.

– Вот и поговорили. У вас тут, пока закажешь телефонный разговор, с ума сойти можно! – Незнакомка заговорила так просто, будто знала Свету сто лет. – Телефон без телефонистки – это не прогресс, как считают многие, а форменное безобразие! Кромешный ад, без проводника и шансов разобраться...

Света рассмеялась. Харьков – весь разом, всего за несколько часов – совсем недавно поставил рекорд, будучи переведенным на автоматическую телефонную связь. До этого во всех кинотеатрах крутили фильм о новых правилах пользования телефоном, и возле каждого аппарата должна была лежать инструкция с правилами набора. Правда, до этих пор Света думала, что это все касается только сотрудников организаций. Телефонов в частных квартирах она раньше не встречала.

– А у вашей сестры телефон тоже прямо в квартире? – не удержавшись, спросила она.

– Конечно, – немного даже возмутилась незнакомка и совсем уж поразила Свету, пояснив: – Сестра живет в Москве, как же ей там без телефона? – и снова начала жаловаться: –

Хорошо хоть для заказа междугородних звонков сначала девушку надо вызвать. Только пока до нее дозвонишься, умом тронуться можно. Если бы не Милочка, я бы в этой инструкции никогда не разобралась... Кстати, – незнакомка красиво изогнулась и закричала в сторону коридора: – Милочка, где же наш чай? – а потом переключилась на Свету: – Ну расскажите, наконец, с чем пожаловали! Признаться, мне очень интересно, чем живет в Советском Союзе столь юная особа...

– И вовсе я не юная, – насупилась Света. – Я уже даже замужем.

– Ну это уж точно не показатель, – захохотала дама. – Моя сестра встретила со своим мужем в 14 лет и, хотя обвенчались значительно позже, своим «днем обретения спутника на всю жизнь» она считает именно тот день. А я, если не считать увлечений юности и первого брака – а их считать не стоит, потому что это было пустое, – вышла замуж по-настоящему только шесть лет назад. То есть в 32.

Света не нашлась, что сказать, тем более, информация о почтенном возрасте собеседницы – внешне незнакомка казалась куда моложе – настроила на более уважительный лад. Хозяйка продолжила расспросы.

– Расскажите же, о чем ваше письмо и кому оно адресовано!

– Лично товарищу Сталину! – с нажимом произнесла Света, привстав.

Дама, однако, торжественности момента не оценила. Вместо этого, перекинув ноги с ручки кресла на подушку, принялась рассуждать:

– Поразительно, насколько близким человеком для всех советских граждан сумел стать товарищ Сталин. Вот оно – гармоничное устройство общества. Каждый обращается к генеральному секретарю как к родной матери! Каждый любит его, как высшую справедливость, заботящуюся о всех гражданах...

– Каждый? – настороженно переспросила Света.

– Вы уже третий человек за четыре дня, кто просит поставить подпись под обращением к товарищу Сталину. Одна гражданка писала жалобу на обитающую в перекрытиях дома моль. Один гражданин требовал выселить свою надоедливую соседку. Кто-то еще приходил с письмом о любви харьковчан к челюскинцам и просьбой назвать в честь них какую-нибудь улицу города. Да что там говорить! Даже моя сестра когда-то писала письмо вождю. Он, кстати, не ответил. Но мы все тщательно обмозговали, и знаем почему. Следующее ее письмо, если в таком будет необходимость, уж поверьте, без ответа не останется.

Тут в комнату вплыло очень странное создание: весьма громоздкая фигура, облаченная в черный шелковый халат с капюшоном в виде птичьей головы, полностью закрывающим лицо. Пухлые, словно надувные пальцы, стиснутые множеством перстней, несли поднос с кофейником, двумя чашками и розетками с чем-то похожим на варенье.

«Ничего себе “милочка”!» – мысленно ахнула Света. Создание же, словно читая мысли, развернуло куриную голову к ней и... глухо закурклякало. Самым натуральным нечеловечески-птичьим образом. Света прыгнула ближе к телефону, решив, что хозяйка, возможно, попросит сейчас вызвать врача сошедшей с ума даме, но вместо этого услышала ответное курлыкание. Незнакомка и дама в халате, ничуть не смущаясь, разговаривали по-птичьи.

– У мадам сложный акцент, – увидев неподдельный ужас в глазах Светы, поспешила сказать незнакомка. – Впрочем, вы и без акцента, наверное, ничего не понимаете. Это мадам Бувье, знаменитая у нас во Франции писательница и с некоторых пор поэтесса-авангардистка. Мы в шутку зовем ее мадам-поэтка. Так вот, мадам-поэтка говорит, что Милочке нездоровится, поэтому чай она подала сама...

Она с благодарностью поклонилась мадам-поэтке. Света, никогда до этого не слышавшая живой иностранный язык, густо покраснела, устыдившись дикости своей реакции.

– Ох! – спохватилась незнакомка. – Мы, кажется, совсем вас напугали. Разрешите представиться. Мы – группа французских литераторов, приглашенных на ваш республиканский Съезд писателей. Другими словами, мы – свита Луи Арагона. Знаете такого?

Света очень быстро и уверенно закивала. Про выдающегося французского писателя и поэта Луи Арагона газеты писали еще несколько лет назад, когда он приезжал в Москву публично отстаивать права сюрреализма. С отстаиванием у него, кажется, не вышло, но символом романтической дружбы между коммунистами Франции и Советским Союзом он стал. Сейчас, когда все единоличные писательские ячейки закрылись, расчистив место для будущего всесоюзного писательского объединения, французских товарищей снова пригласили в СССР. В программе было посещение Москвы, а потом участие в качестве почетных гостей в первом Всеукраинском съезде писателей в Харькове. Свете никак не верилось, что с ними можно так запросто встретиться в обычной советской квартире.

– Мадам Бувье и ее юная компаньонка Милена послушали, уезжая из Москвы, доклад какого-то товарища про социалистический реализм как единственно верное направление культуры и облачились в траур. Горюют по убиенному сюрреализму. Носят уже четыре дня эти птичьи халаты, закрывают лица и скорбят. Несмотря на почтенный возраст и славу банальной романистки, мадам слагает прекрасные авангардистские стихи и знает толк в перформансах. Забавно и восхитительно смело, правда? – Не дождавшись от Светы однозначной реакции, дама продолжила: – Куча тряпья, что валяется в соседнем кресле, это наш уважаемый поэт Поль Шанье. Он у нас, скорее, из разряда поклонников, поэтому выступать нигде не будет. Заявлен в делегации одновременно и как поэт, и как исследователь жизни и творчества Маяковского, но на деле ничем не занимается. Не пытайтесь вспомнить, вы его наверняка не знаете. Его никто не знает. Луи считает, что у Поля большое дарование, и все впереди. Если изменит свое поведение, конечно. В общем, юн, талантлив и совершенно безнадежен в смысле самоконтроля и дисциплины. Беспробудно пьет с подросткового возраста, с тех пор, как потерял родителей – русских эмигрантов, скончавшихся от тоски по Родине лет эдак десять назад...

– Я все слышу! – Из скомканного одеяла на соседнем кресле показался ворох черных всклокоченных кудрей, и сонный голос, прокашлявшись, добавил: – И пью я вовсе не с тех пор, а только четвертый день. А что еще тут делать? Я хотел посмотреть СССР, я посмотрел. Я хотел посмотреть Харьков, про который мне все уши прожужжал живший тут до революции дядя, – я посмотрел. Теперь хочу домой, в прохладу каменных террас Монмартра. Немедленно! Я не желаю больше ни секунды плавиться в этой жаркой стране!

– В Париже он просыпается исключительно под вечер, поэтому существование яркого солнца и жаркого пыльного полудня для него новость...

– Какая чушь! Эллочка, свет мой, не нагнетай... А вы, дамочка, не верьте! – неожиданно строго рыкнул поэт на Свету. – Я, в общем-то, хорош и безобиден. Сплю в кресле, потому что Гавриловский храпит, как сатана, и я сбежал.

– Гавриловский вместе с Арагошей давно уже уехали по делам. Писатели сегодня пишут приветствие железному наркому обороны СССР, и Арагошу попросили непременно быть. Там, словно рыбки в ветвях коралла на Таити, снуют свои личные переводчики, поэтому Гавриловский смог сбежать в свое консульство. – Тут дама снова обернулась к Свете и добавила со значением, так, будто это хоть что-то объясняло: – Нет, не в свое, конечно, мы французы. Он просто дружит с водителем из немецкого консульства и тот помогает ему доставать детали для нашего авто. Гавриловский – фанат автодела и страшный педант. Не удивительно, что он дружит с шоферами, причем именно с немецкими. А на Таити я когда-то проживала. Так вот! – Последние слова она говорила, уже снова обернувшись к креслу: – Все на ногах уже давно и все ушли. А вы вчера изволили буяннить, объясняться в творческой любви Арагоше, требовать взаимности, получили выговор по заслугам, расстроились и попросту не дошли до своей комнаты. Впрочем, как и всегда, – с улыбкой и даже почти что с нежностью проговорила хозяйка и снова

вернулась к описанию компании. – Про центр и стрезень нашего общества – непревзойденного Луи Арагона – я вам уже говорила. Про нашего переводчика и друга адвоката Андре Гавриловского вы только что услышали. Осталось представить только меня. Эльза Триоле. Писательница, супруга и помощница Луи. Не пытайтесь вспомнить, вы меня наверняка...

– А вот и знаю! – перебила воодушевленная Света. – Я в библиотеке работаю! К нам поступала ваша повесть. Я читала! Вы... Я...

И Свету прорвало. Не удержавшись, она рассказала и о своем восхищении слогом писательницы, и о возмущении некоторыми откровенными сценами, которым не место в чистой литературе, и о неприятии буржуазного быта, и о важности таких книг для современного читателя, и, конечно, тут же, без перехода, о закрытой и несправедливо раскритикованной библиотеке при доме писателей имени Василя Блакитного, которую возглавлял такой славный товарищ Быковец...

– Что ж, библиотека – дело серьезное, – сказала Эльза Юрьевна, разобравшись. Она решительно встала и, вытащив из шкафа печатную машинку, пригласила Свету пододвинуться поближе к столу. – Петицию про библиотеку мы, пожалуй, подпишем.

– Э? – не поняла Света.

– Ну не петицию, а эту... как ее, не могу с ходу подобрать советское слово. Коллективную жалобу.

– Не жалобу, а письмо, – обиделась Света и тут же засомневалась: – Хотя...

– Не важно! – перебила Триоле. – Давайте работать! Вы совершаете ту же ошибку, что когда-то моя сестра. Пытаетесь объять необъятное! Написать личное письмо, сохранив общественные формулировки. Нет-нет! Сейчас мы все подправим. Возражения не принимаются. Если вы пишете лично товарищу Сталину, то нужно понимать, что, прежде всего, это письмо мужчине.

Света ахнула, а непутевый поэт нарочито громко присвистнул:

– Ох, Эллочка! Вот это ты загнула!

– Не спорьте! – строго цыкнула Эльза Юрьевна. Поэт покорно склонил голову и замолчал. Эльза Юрьевна опять с улыбкой повернулась к Свете.

– Метод Триоле в укрощении мужчин работает, точно как часы на городской ратуше, – подмигнула она. – Ты строго говоришь: «Не спорьте», требовательно смотришь ему в глаза и все, конфликт исчерпан. Но в письмах, разумеется, иначе. Письмо к мужчине существует в строго определенном жанре. Сначала нужно адресата похвалить, потом показать, что дело, о котором вы пишете, всегда было его личной идеей. И потом уже описывать нападки на это дело и свои робкие просьбы о защите. Понимаете?

И Света, в трезвом уме и ясной памяти, вполне осознавая, что совершает глупость, поддалась атаке группы иностранных товарищей и азартно принялась составлять новый текст.

«Коля меня убьет!» – радостно подумала она, наблюдая, как выбиваемые ловкими пальцами Эльзы Юрьевны буквы складываются в новое предложение, и задним умом прикидывая, удастся ли отстирать старые мешки, завалившиеся в сарае, чтобы Колина мама пошила из них Свете такое же, как у мадам Триоле, смешное платье с прорезями...

* * *

Тем же утром, но значительно раньше, Коля Горленко тоже пытался объять необъятное. В частности, сохранить профессиональный подход в очень личном для него деле. По дороге в Полтаву он просматривал выданное Игнатом Павловичем досье на Ирину Онуфриеву. На жертву, если придерживаться правильной терминологии. Потомственная аристократка, до Великой октябрьской обучавшаяся в институте благородных девиц, была в возрасте 12-ти лет брошена бежавшими от Красной армии родителями. Осталась на попечении кухарки, которая,

освоив все необходимые навыки и проявив себя, со временем стала руководящим работником советского жилкомхоза. Попечительница, а точнее приемная мать – в домашнем кругу ее даже так и звали «Ма», то ли сокращая имя Мария, то ли намекая на материнское отношение к Ирине, – дала девочке правильное воспитание и помогла стать на ноги. Онуфриева окончила балетную школу и поступила на работу в балетную труппу, где добилась немалых успехов. Танцевала первые партии, была любима публикой и газетами. О родителях и старом строе говорила с презрением, хотя публичного отречения в газете, как все порядочные люди, не написала. Была замужем за театральным критиком В. Морским... Отличалась некой холодностью и высокомерием, оттого мало с кем дружила. Но если уж дружила, то делала это со всей душой, всеми силами стараясь помочь друзьям и поделиться с ними всем хорошим, что имела в этом мире.

Последнее, ясное дело, Коля прибавлял уже от себя, потому что как раз они со Светой и были теми друзьями, которых Ирина то водила по обожаемому ею Харькову, рассказывая были и небылицы про каждый дом, то зазывала в гости как раз тогда, когда к Морским приходили самые интересные люди города, то, рассказав о репертуаре и особенностях всех многочисленных городских театров, снабжала билетами на спектакли, неизменно сопровождая их какой-нибудь вещичкой, которую одалживала Свете, чтобы той было что надеть в театр...

– Морг в подвале. Труп вас там ждет. Только опознание нужно сначала провести. Вы не годитесь, нужен кто-то из родственников. Таков порядок! – сообщил Коле пожилой полтавский судмедэксперт. Игнат Павлович отправился утрясать бумажные дела и выяснять новые подробности, Коля же пытался договориться о том, чтобы забрать Ирину.

– Не положено! – Все попытки разбивались о законопослушность полтавских сотрудников. – Критическая ситуация? Товарищ, вы в морге! Тут все ситуации такие. Все ЧП у нас по штатному расписанию.

Коля даже сбегал через дорогу на почту и вызвал телеграммой Морского, но тут же получил нагоняй от Игната Павловича.

– Ты кого слушаешь? Слабину дал, вот и выгребаешь теперь. Некогда нам ждать родственников. Полтаве харьковский труп не нужен, нам ясно сказано. Так что забираем и уезжаем. А то можем и без него уехать, пусть сами мучаются...

Пока Коля давал отбой Морскому, Игнат Павлович сам потолковал с судмедэкспертом. Назвал нужные фамилии, пригрозил звонком и трибуналом.

– Так бы сразу и сказали! – пожал плечами законопослушный полтавчанин и пошел за ключами.

Коля тем временем все листал досье и тонул в собственных воспоминаниях. Ирина была удивительно красивой и при этом отчужденно-холодной. Это даже не Коля решил – хотя когда-то он чуть в нее не влюбился, – это отмечали все, хоть единожды увидевшие Ирину. Даже Морской про что-то правильное говорил: «Идеально, как черты лица моей супруги». Отношения у Горленок и Морских разладились примерно год назад. Скорее даже по вине Коли и Светы. Трудные времена были у всех, но именно Света с Колей тогда, не имея ни одной свободной минуты, перестали заходить в гости. Пришли, конечно, когда узнали о смерти приемной матери Ирины. Уже даже не на похороны, а просто выразить соболезнования. Вспомнили, погоревали, ощутили, что настоящая дружба не проходит, даже если люди долго не видятся.

В досье, кстати, писали совсем другое. После смерти приемной матери Ирина Онуфриева якобы существенно изменилась. Открыто грубила начальству, настроила против себя всех, даже дружески расположенных ранее коллег. Со слов балерины и подруги Ирины, новой супруги режиссера Форрегера – Галины Штоль – выходило, что «Онуфриева после смерти приемной матери впала в тоску и не желала принимать ни общение, ни предложения о помощи от окружающих». В тот единственный визит, который Коля со Светой нанесли Морским зимой, Коля этого совсем не почувствовал. Впрочем, и охлаждения отношений между супругами он

тоже не заметил. А в досье ясно было написано, что Морские развелись, утверждая, что собираются жить в разных городах и вообще уже почти год проживают под одной крышей без супружеских отношений.

Коля представил себе составителя досье и осуждающе хмыкнул. Ни при каких условиях ни Ирина, ни Морской не стали бы распространяться о подобных вещах. Составитель досье, скорее всего, получил данные от соседей или от сплетников в театре, а представил все так, будто утверждения исходили от разводящихся супругов.

К досье был приложен ряд жалоб на возмутительное поведение гражданки Онуфриевой. Отказалась сдавать какой-то взнос – хорошо, супруг компенсировал и замаял скандал. Отказалась решительно осудить работы художника Петрицкого, готовила срыв собрания и не согласованную с общественностью речь – хорошо, сам товарищ Петрицкий прознал о ее планах, сказал, что в защитниках не нуждается и попросил снять ее выступление с повестки дня. Покрасила волосы в «возмутительный цвет», чем сорвала режиссерскую задумку, по которой рыжие танцовщицы в массовке были не предусмотрены...

Последнее было на Ирину совсем не похоже. Как, впрочем, и...

– Это не она! – склонившись в морге над телом жертвы, Николай испытывал одновременно и ужас, и невероятное счастье.

С одной стороны, по всем статьям выходил полный кошмар: в проверенном правительственном поезде под видом и по документам одной пассажирки ехала совсем другая, неопознанная особа. С другой – это значило, что Ирина, скорее всего, жива. На кушетке с биркой «Ирина Онуфриева» на ноге лежал едва прикрытый простыней после вскрытия труп женщины, Коле совершенно незнакомой.

3

Не зна́ком, а делом.

Глава, в которой вы узнаете о грустном

С некоторых пор Владимир Морской придерживался правила никому не открывать дверь по ночам. Соседи по квартире – интеллигентная пара с дочерью подросткового возраста, заселившаяся четыре года назад вместо переведенных работать на север прежних жильцов, – нынче находились в санатории «Берминводы» и открыть дверь почтальону в Харькове тоже не могли. В общем, ночные телеграммы Морской получил утром и все сразу. Стоя теперь в прихожей, он растерянно тасовал в руках три бланка, лихорадочно соображая, что все это может значить, и, главное, как теперь быть.

«Ирина убита тчк Соболезнования тчк Готовьтесь выехать Полтава на опознание тчк Коля»

«Сидите дома тчк Караульте Ирину тчк Важны любые вести тчк Горленко»

«Отбой тревоги тчк Ошибка тчк Горленко Коля»

Морской разложил бланки в нужной последовательности и с тяжелым сердцем прошел в спальню. День обещал быть куда более сложным, чем предполагалось, причем предполагалось, что будет он тоже весьма непростым.

Вообще-то, воскресенье всегда проходило под эгидой родительского дня. Чем бы ни предстояло заниматься, Морской брал с собой дочь Ларису, за неделю проживания с правильными мамой и отчимом соскучившуюся по журналистским приключениям и царящей в доме отца артистической атмосфере. Сегодня Морской решил сделать исключение. Одно дело – развод (о нем Ирина и Морской сказали Ларочке вполне спокойно, ведь на отношения с ребенком этот факт не влиял), совсем другое – отъезд. Последнее, конечно, имело куда более разруши-

тельные последствия и ранило куда сильнее. Морской, хоть и планировал разговор, но ощущал острый приступ тоски и глухого отчаяния всякий раз, представляя, как скажет одиннадцатилетней девочке, что ее обожаемая Ирина уехала, и они никогда больше не увидятся. Признание и без того хотелось отложить, а сейчас, когда вокруг дел Ирины творилось невесть что, было бы жестоко и некрасиво впутывать Ларису. При этом дочь была единственным человеком в мире, врать которому Морской не умел. Поэтому выход был один – не появляться. Ближайший доступный телефонный аппарат находился в гостеприимном Обществе старых большевиков, что обосновалось в бывшем особняке издателя Юзефовича, потому Морской наскоро привел себя в порядок и помчался вверх по Карла Либкнехта, звонить Ларочке про отмену встречи. На ходу он составлял список всех звонков, которые нужно было бы сделать с такой оказией, и готовил новый небанальный комплимент заведующей телефоном секретарше. Казавшаяся несколько минут назад трагичной ситуация, обрастая хлопотами, обретала будничность характер и переносилась уже почти легко. Вспомнилась увесистая стопка материалов, которую надо было рассмотреть в редакции. В конце концов, для чего еще нужны выходные дни ответственному секретарю крупной газеты? Особенно, если без дела дома и в одиночестве ты немедленно сходишь с ума от воспоминаний и предчувствий. Разумеется, чтобы разобраться, наконец, с должностными обязанностями, а не с текущими журналистскими делами, которыми была занята неделя...

Когда, спустя несколько часов, на пороге редакторского кабинета возник Коля Горленко, Морской его уже почти ждал и удивился только радикальной прическе. Вслух, однако, раскритиковал за другое:

– Вот она, вседозволенность! Мне, чтобы получить разрешение поработать в собственном кабинете в выходной день, пришлось главному редактору звонить. А вас дежурные пропускают, едва глянув на корочку удостоверения!

– Так я же по делу пришел! – не моргнув глазом, нахамил Николай.

Когда-то Горленко и сам пытался работать в редакции, но материалы его были откровенно слабые, и вскоре он отверг «эти глупости», полностью уйдя в криминалистику и частенько обвиняя бывших коллег в незнании жизни и бездельничании.

– И, между прочим, – тут Коля уже без всяких шуток посмотрел на Морского с осуждением: – Я попросил вас не отлучаться из дома. Вдруг Ирина нашлась?

– Во-первых, я получил три телеграммы, и последняя сообщала про «отбой тревоги»! – Морской даже достал все три бланка из кармана. – Во-вторых, с чего вы взяли, что Ирина потерялась? Что за пессимизм? Она уехала в Киев, о чем вы прекрасно осведомлены...

– Во-первых, могли бы посмотреть время на телеграммах, про «отбой» – это вторая, а третья про «сидите дома», – в тон другу недовольно заворчал Горленко. – Во-вторых, ситуация меняется слишком быстро. Сначала я был осведомлен, что Ирина уехала, потом, что Ирину убили, а вот теперь, что Ирина исчезла...

– Удивительная женщина! Она и вас свела с ума! – все еще пытался шутить Морской, тогда как Коле было не до шуток, и он, взяв с приятеля клятву о неразглашении, рассказал обо всем, что знал... И «не до шуток» стало уже всем.

– И вот я вижу – это не Ирина. – заканчивал рассказ он. – И возникает сразу два вопроса. А где тогда Ирина? И что за труп лежит на ее месте? А рядом, ясное дело, Игнат Павлович. И он мне эдак весьма прозрачно намекает, что ответы нужно найти немедленно. А где я их возьму? Кстати, в Киеве наши ребята сегодня уже пошерстили, Ирины нет. К вашей квартире и к ее театру я постового поставил. Пока ничего...

– Наверное, Ирине нужна охрана... Хотя у нас же нет Ирины... Может, я должен написать заявление о пропаже? – не слушающимся голосом спросил Морской. – Или что сделать? Что правильно делать в такой ситуации?

– Что правильно, я вам сейчас поясню. Я потому вас и разыскиваю, чтобы правильно, – удивил Николай. – Но прежде расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы прощались с Ириной.

Морской сосредоточился и начал говорить. Про то, как Ирина попросила проконтролировать грузчиков, водителя, носильщиков и доставку вещей в вагон. Про то, как не смог отказать. Про то, как зашел в вагон и не без сладкого злорадства удостоверился, что вещи забили все купе и половину коридора. Как даже не успел войти в купе и тут же наткнулся на сбежавшую из вагона-ресторана Ирину, у которой разболелась голова. Как вознамерился спокойно сбежать, но не смог, потому что появилась проводница и разразился скандал. Про то, как ждал в тамбуре, пока Ирина перекаладывала вещи, попутно перебив половину увозимой с собой посуды. Потом толкал мешок с книгами к выходу из вагона...

– Выходит, что в последний раз вы видели Ирину в купе вагона? – уточнил Николай.

– Точнее, в коридоре. В купе нельзя было зайти из-за вещей. Ирина просочилась туда чудом, и мне совсем не нравилась идея лезть следом. Но мы почти до момента моего ухода из поезда переговаривались...

– Уверены, что говорили с настоящей Ириной, а не с подделкой?

– Разумеется, – немного даже обиделся Морской. – Мы достаточно лет прожили вместе, чтобы я мог отличить, с кем ругаюсь. Даже если не принимать во внимание голос и интонации, по смыслу фраз я точно могу ручаться, что говорил с Ириной. Никто другой не умеет так виртуозно выворачивать ситуацию, что все кругом, выходит, виноваты. Я – что, обнаружив, как много получилось вещей, не приказал грузчикам оставить половину из них дома. Проводница – что где-то пропадала и не сразу сообщила, что часть вещей нужно выгрузить. Организаторы переезда – что, сказав «брать только личное и необходимое», не объяснили, что предполагается ограничение по количеству и размеру сумок... Ее соседи по новой квартире – что сказали, будто любят книги, и вот Ирина решила для них все привезти...

– Понятно, – перебил Николай, – теперь о главном. Вы ведь должны были сегодня провести экскурсию по городу для группы французских литераторов?

– Да, должен, – честно подтвердил Морской. – В последнее время наша секция краеведов-любителей стала популярна. Мы проводим экскурсии. В том числе для зарубежных гостей. Особо важные делегации сопровождаю я лично. Все с разрешения и под кураторством ваших коллег из «иностранного» отдела, разумеется.

– Да-да, я знаю, – заверил Коля. – Мы уже опросили куратора. Он рассказал, что Луи Арагон от вас в восторге, а мадам Бувье, хоть из-за своих больных ног даже отстала один раз от экскурсии и чуть не заблудилась в подземельях под зданием ломбарда, кричит, что повесится, если им назначат другого экскурсовода.

– Мадам очень экстравагантна, – попытался оправдаться Морской.

– В общем, – продолжил Коля, – раз должны провести экскурсию – проведите. – Тут он замялся и начал как-то неуверенно пояснять: – Мне нужно присмотреться к этой группе. Разговорите их, создайте непринужденную атмосферу. Я пойду с вами. Отдел контроля за иностранцами в курсе. На сегодняшней встрече вместо обычного их представителя буду я.

– Но как все это связано с исчезновением Ирины?

– Это нам и надлежит узнать. Понимаете, в личных вещах нашего неопознанного трупа была одна любопытная книжечка. Автор – мадам Анита Бувье. На книге автограф: «Милене с любовью и пожеланиями удачи от автора». И надо же, совпадение: мадам Бувье как раз сейчас находится в Харькове в составе писательской делегации. А вы – ее экскурсовод.

– Ого! – оживился Морской, будто напав на след. – А вы ведь знаете, что с мадам Бувье путешествует некая Милена Иссен. Все зовут ее Милочка, но по документам она как раз Милена.

– В точку! – обрадовался Николай, но тут же снова скис. – Только Игнат Павлович говорит, что это ничего не доказывает. Мало ли на свете Милен, и мало ли кому французская писательница могла подписать книгу. Аргументов недостаточно, чтобы допрашивать уважаемых иностранных гостей, а сами о пропаже они не заявляли. Выходит, это или не их труп, или их, но они что-то скрывают...

– Или они просто еще не заметили пропажу, – перебил Морской. – Они люди странные. Чтоб вы понимали, мадам Бувье и ее Милена ходят в плащах с птичьими головами...

– Я знаю. Потому и не прошу вас опознать труп на фото. Вы ведь все равно не знаете, как выглядит Милена. И никто у нас не знает. У нас нет ни одного фото, а запрашивать те снимки, что делали московские газетчики, Игнат Павлович боится – нарвемся на скандал.

– Международный?

– Хуже! Внутриведомственный! – искренне воскликнул Коля. – Это ж, выходит, мы подзреваем иностранный отдел в том, что они упустили свой объект, позволили ему сесть в наш поезд и там стать жертвой убийства! Поэтому пока решено шума не поднимать, а просто пойти и присмотреться к этим нашим иностранным товарищам. На предмет, во-первых, наличия отсутствия в их рядах гражданки Милены, во-вторых, возможного подозрительного поведения. И вот только если первое и второе совпадет, тогда Игнат Павлович разрешит мне задавать иностранцам вопросы и будоражить их известием об убийстве. Причем, – тут Коля вздохнул особенно тяжело, – устные описания от московских товарищей, которые видели Милену еще без птичьей паранджи... Да, – признался он, перебивая сам себя, – я звонил, но спрашивал как бы про другое, надеюсь, ничем себя не выдал... Так вот, устные описания гласят, что гражданка Иссен запомнилась им как девушка тихая, скромная, красивая, высокая, стройная, с выкрашенными в блестящий медный цвет волосами... Такая вот компаньонка...

– Не понимаю, – перебил Морской.

– Что? Компаньонка – это такая одновременно и медсестра, и помощница, и домработница, и поверенная секретов, – кинулся объяснять Коля.

– Я знаю, кто такие компаньонки, – нетерпеливо отмахнулся Морской. – Не понимаю, что нынче за мода красить волосы. Обычно рыжих дразнят и не любят... Я думал, что Ирина это сделала просто из бунтарства.

– Вот именно! – воскликнул Коля снова. – А тихая, скромная девушка-компаньонка зачем? Никакой моды нет, есть злой умысел. Я все это вижу так: Милена нарочно копировала Ирину, чтобы потом занять ее место в поезде и, выдавая себя за балерину, без всякого положенного иностранцу надзора уехать в Киев. Все это, ясное дело, пока лишь предположения, но пахнут они очень серьезными вещами. Мало того, что совершенно не понятно, что с Ириной, так еще и делегация иностранцев, причем, не абы каких, а больших друзей нашего отечества, и вдруг вовлечена в историю с убийством... И главное, вместо того, чтобы поскорее провести опознание, обыск в вещах покойной и так далее, мне сказано денек понаблюдать... И действовать предельно осторожно, тактично и быстро. Так что без вас не справиться...

– Но... – Морской имел так много возражений, что попросту не знал, с чего начать, – спасибо...

– Не стоит благодарности, – интерпретировал все по-своему Николай. – Я знал, что вы не сможете остаться в стороне от поисков Ирины, и уговорил Игната Павловича создать альтернативную следственную группу, которая без шума все уладит. Вы, я и Света – как в былые времена. Ирины только не хватает, но над этим и поработаем, верно? В кратчайшее время и, главное, осторожно, раскроем это пакостное дело...

«Это самое настоящее безумие! – мысленно паниковал Морской. – Типичный бред. Возможно, просто сон. Вот я проснусь, и все это исчезнет» А вслух сказал:

– Что вам еще известно?

И Коля послушно начал излагать:

– Кроме книги с автографом Бувье, истрепанного «Капитала» Маркса на французском языке, документов Ирины и крупной суммы денег, было также найдено заявление Ирины об уходе из театра... С послезавтрашней датой. С очень глупой формулировкой, мол, все надоело, уезжаю от вас всех подальше куда глаза глядят, найду лучшую работу и лучших коллег. Мы отдали письмо на экспертизу почерка, но я почти уверен, что заявление поддельное и что писала его не Ирина. Так сказать, труп мечтал уйти из труппы... Тьфу! Как попадаю в ваши стены, так снова словоблудие в голову лезет. Раз-два-три, надо сосредоточиться! – Николай замотал головой, прогоняя наваждение.

– Так вот! – продолжил он уже нормально. – Если восстанавливать события, то получается, что за десять минут до отправления в поезде была еще Ирина – ее видели вы, ее видела проводница, ее видели чуть раньше в вагоне-ресторане. А потом – оп, в момент отправки вместо Ирины сидит уже Милена, и ее кто-то убивает... Список пассажиров мои коллеги в Киеве прорабатывают...

* * *

Выходя из первого подъезда писательского дома «Слово», Светлана пребывала уже в куда менее боевом настроении. Все складывалось вроде бы хорошо, пока, составив с прекрасной мадам Триоле очередное письмо и снова почеркав все формулировки, Света, наконец, не спросила, о чем же писала товарищу Сталину сестра Эльзы Юрьевны.

– О Маяковском, – раздалось в ответ. – О чем же еще она могла писать?

Выяснилось, что сестра Эльзы Юрьевны не кто-нибудь, а муза Владимира Маяковского. Мадам Триоле так и сказала: «Муза». И пояснять не стала, но Света понимала и сама, что это значит не жена (ведь раньше Эльза Юрьевна сказала о супруге, который с давних пор и есть тот «спутник навсегда» ее сестры), не друг (какая уж тут дружба, раз половина всей любовной лирики Маяковского посвящена Лилии Юрьевне Брик), но кто-то очень близкий и значимый (не зря ведь поэт, как рассказала Эльза Юрьевна, в предсмертном обращении к правительству написал: «Моя семья – Лиля Брик»). В общем, кто там кому и кем приходился, Света не разобрала, но поняла главное: через год после смерти всеми любимого поэта издательства стали отказываться от переизданий, и член семьи Маяковского обратилась к товарищу Сталину с просьбой повлиять на ситуацию. И не получила никакого ответа. Могла ли в таком случае Света, просящая не за знаменитого литературного гиганта, а за скромную малоизвестную библиотеку, да еще и, по сути, не имеющая к объекту своей заботы никакого отношения, рассчитывать на внимание Вождя? С чего вообще она взяла, что товарищу Сталину должно быть дело до столь незначительных вещей? Хотя – Света чувствовала это всем сердцем, видела это по глазам, смотрящим со всех портретов, – на самом деле ему, конечно, было дело до всего. «Во всем виноваты остолопы!» – мысленно констатировала она наконец. Выходило, что вот еще в 1929 году, когда тетка Евгения передавала Вождю письмо Шолохова, в котором описывались страшные перегибы в требованиях к хлебозаготовкам на Дону и пришедший следом за ними голод, товарищ Сталин на письма литераторов откликался. А потом, когда всякие стали писать ему про моль и соседей, сил вчитываться у Вождя уже не осталось, и уже в 1931-м, когда сестра Эльзы Юрьевны просила за наследие Маяковского, ответа не последовало. Эх! Узнай Света о могуществе тетки Евгении на пяток лет раньше, и выйди тогда же постановление о закрытии библиотеки, такое доброе дело сделать можно было бы... А сейчас, хотя Эльза Юрьевна и шлепнула под письмом какой-то странной штукой, называемой «факсимиле», после чего на листе появилась знаменитая разляпистая А из автографа Луи Арагона и, собственно, вся подпись, но в реализуемости своей затее Света уже сомневалась.

И тут! В небольшом скверике у подъезда, в дрожащей тени молодых тополей Света увидела знакомую фигуру. Кулиш Микола Гурович выгуливал песика. Драматург, педагог, муд-

рый и добрый наставник, бесспорный гений и давний друг Светиноного батьки оказался рядом как нельзя кстати! Вот с кем можно посоветоваться насчет письма! Стесняясь заговорить просто так, Света лихорадочно искала повод. Она была не уверена, что писатель помнит ее, ведь почти четыре года не виделись, да и общалась Света больше с женой Микола Гуровича, веселой и яркой Антониной. И тут ее осенило:

– Джой! Джой! – закричала Света, присев на корточках. – Здравствуйте, Микола Гурович! Так люблю вашего песика, не могла пройти мимо...

– Спасибо, Светланка, за доброе слово и внимание, – раздался теплый, немного насмешливый голос. – Только это не Джой. При всем желании английский сеттер не мог бы так измениться...

Света так перепугалась – и из-за своей оплошности, и из-за того, что писатель прекрасно помнит ее имя, – что чуть не расплакалась, и Микола Гурович – добрая душа! – принялся ее утешать.

– Ну что вы? Бросьте! В конце концов, этот пес тоже заслуживает одобрения. У Йогансена их два, а сам он сильно занят и потому иногда просит меня вспомнить былое и пробежаться с поводком по окрестностям. Со старичком Джоом так уже не побегаешь, он гуляет лишь во дворе. А этот молодой пес – совсем другое дело. По сути ведь это я не собаку выгуливаю, а себя. Бегу к парку, вдоль дорожных оградительных насаждений и думаю: хорошо, что их сейчас так много насадили. С ними дышится легче и мыслится чище. Уж что-то, а сажать у нас умеют, да? – Он пристально посмотрел на Свету, подмигнул и, кажется, не дождавшись ожидаемой реакции, перешел на более серьезный тон. – К концу второй пятилетки будем счастливыми обладателями чистого воздуха, созданного природными ограждениями вокруг автомобильных дорог. Если доживем, конечно... – Товарищ Кулиш пошел за псом вдоль дома, и Света последовала за ним. Глянув на двухэтажный дом-казарму, расположенный на другой стороне улицы, драматург, кажется, забыл о своем намерении приободрить Свету и явно помрачнел. – Забавно, что я ассоциируюсь у вас с Джоом. Это приятно. Но, знаете, ведь я чуть не отдал своего пса в прошлом году! Вернее, что это я себя обеляю, я отдал! Вот сюда, в дом летного командного состава одному милейшему лейтенанту. Сначала мы думали, что поступили верно. Не ясно было, где достать денег и как купить продуктов не то что на содержание собаки, а хотя бы на то, чтобы подкормить слабеющую с каждым днем Ольгу. – Света знала, что Ольгой зовут дочку Кулишей, и сжалась в комок, ожидая услышать про нее тот ужасный финал, которым оканчивалось так много слышанных за последние годы историй о слабеющих без продуктов детях. – Да что там Ольга? – неожиданно воскликнул Микола Гурович. – От голода тогда умирал целый народ, вся Украина... Я ездил на Херсонщину, я видел, и с тех пор не могу спокойно спать... У лейтенанта наш Джой получил достойное питание, но очень тосковал. Через две недели ночью мы услышали страшный вой и узнали голос своего песика. Володя – он хоть и младший ребенок в нашей семье, но если что решил, то не отступит, – пошел забрать его. А утром выяснилось, что Джой выл не от тоски, а потому, что предчувствовал драму. Наш лейтенант застрелился, оставив молодую жену и двух дочек на попечение судьбы. Кто-то говорит – из-за растрат на работе, кто – из-за того, что узнал об аресте братьев и голодной смерти родителей в селе. Такая вот была история. И не напишешь, не расскажешь... Ну? – Драматург опять взглянул прямо на Свету, на этот раз довольно строго. – Долго я буду перед вами откровенничать, чтоб вы уже не боялись выкладывать, с чем пожаловали? Как батька? Все в порядке?

Света поспешно закивала. Не хватало еще, чтобы Микола Гурович решил, что Света пришла по настоянию батьки, чтобы просить помощи. В поселке все действительно было в порядке. Ну, то есть в беспорядке, но правильно и уже хорошо. В какой-то момент батько принял верное решение и отдал половину дома и земли имеющему доступ к пайкам в сельсовете соседу. Условие простое – забирай комнаты и участок, но корми за это мою семью, пока времена не улучшатся. В семье остались бабушка, матуся, маленький братик и одна из взрос-

лых сестричек, которая была больна и в город на работу уехать не смогла. Сам батько ушел работать в интернат. Как сумасшедший ездил он повсюду и собирал окрестных сирот, которых с каждым днем становилось все больше. В голодные обмороки падал, опухал уже даже, но детей пытался спасти. От Светы все это скрывали, чтобы зря не нервировать. А сама она – тоже хороша, ведь даже не приехала ни разу за страшную зиму 1933-го... Поселок Высокий – от Харькова 15 километров, полчаса поездом, три с гаком часа пешком или два с хвостиком, если на попутках, – от города отделялся заставою. Теоретически Света легко могла через нее пройти (ведь документы есть, что не селянка, рвущаяся в город, значит, хоть тебе дежурные на шоссе, хоть проверяющие в поезде обязаны были пропустить). Но были случаи, когда горожан задерживали до выяснения обстоятельств или незаконно разворачивали, потому Света опасалась, что, решившись навестить родных, не успеет вернуться к началу рабочего дня, а за прогулы или опоздания уже можно было схлопотать и суровый выговор, и лишение карточек, и еще что-нибудь похлеще. Про то, как страшно жили той зимой в поселке, она тогда не знала. Топить было нечем, люди спали вповалку, накрывшись всеми вещами, что имелись в домах. Причем, в комнатах с обледенелыми окнами и промозглыми стенами старались не ночевать, предпочитая темные внутренние коридорчики, в которых вроде было несколько теплее. У кого не было продовольственных карточек, те голодали. Из горстей фасоли варили юшку и пытались ею спастись.

Светиной семье выпали еще довольно мягкие условия. Сосед их, как считал батько, оказался порядочным, семью батьки выкормил, никому помереть не дал. А как на Светин взгляд – так просто воспользовался, гад, тяжелым соседским положением. Но кто там Свету слушал...

Внезапно она осознала, что рассказывает все это вслух. Микола Гурович слушал серьезно, кивая и явно одобряя поведение старого друга.

– Но что же это я? – спохватилась Света. – Я тут вовсе не из-за этой истории. Я вам про тетку свою хотела рассказать! Понимаете, она – старый большевик. Имеет связи в правительстве. Когда-то она спасла от голода целую станицу! Как? Передала письмо про бедствия лично товарищу Сталину. И вот я думаю... Раз есть такой надежный и проверенный канал для передачи писем, ведь можно же и еще что-то важное передать?

– Что? – Микола Гурович перебил вопросом, и Света даже не сразу поняла, о чем он говорит.

– Что думает про это тетка? Она еще не знает. Но в добром деле не откажет, я уверена. И дело я придумала уже... Но только я не знаю, не маловат ли, так сказать, масштаб...

Микола Гурович выслушал Светину идею про библиотеку и устало покачал головой.

– Наивное дитя! Во-первых, в этом доме вы подписи лучше не просите – будет хуже. Кто не подпишет, тот обязательно доложит, куда следует. А автографы порядочных людей бумаге вашей только навредят. Тут многие уже исключены, избалованы и бесполезны. Я ощущаю это очень ясно с момента, как Курбаса изгнали с родины и из его собственного театра, не говоря уже обо всем остальном. Как до последней капли крови, мы до последней капли чернил трудились на благо мировой революции, но теперь все опорочено, вывернуто и перечеркнуто... И, кстати, я не вызван на Всесоюзный Съезд и не приглашен на местный, так что вы зря ко мне обращаетесь. Знаете, когда в 32-м вышел тот памятный указ ЦК о реорганизации литературных объединений и прекращении разделения литераторов на обособленные группы, мы восприняли это очень радостно. В том ключе, что, вот, дескать, мудрая партия сумела положить конец нашим междоусобным распрям, будем работать теперь все вместе, одной большой группой советских писателей. Посыпались планы о редколлегиях, куда литературные оппоненты войдут как братья, о новых журналах, что возьмут все лучшее от запрещенных, но и пойдут дальше... А потом выяснилось, что куда подальше пойдём лично мы. Не думайте, я не жалуясь, просто обрисовываю вам реалии положения. Под чем поставлю подпись, то пойдет в расход, попомните мои слова. – Света почувствовала неприятный холодок под сердцем. Ей хоте-

лось или немедленно забыть все сказанное, или расплакаться и крепко-крепко обнять этого талантливую и явно слишком уставшего для окружающих жизненных перемен человека.

Микола Гурович тем временем продолжал: – Но не во мне дело. Вы с самим товарищем Быковцом-то говорили? Лично я слышал, что он сам себя недавно прилюдно осудил. Покаялся, признался в националистических перегибах, исправился и получил новое место службы. Новую жизнь...

Света таких новостей не знала, но даже если и так, то это ничего не меняло.

– Быть может, товарищ Быковец и зажил новой жизнью, но библиотеку-то это не откроет!

– Ох, Света! Какая библиотека, когда речь идет о человеческой судьбе? Оставьте вы этот вопрос, не морочьте бедному Быковцу голову... – Микола Гурович смотрел на собеседницу с явным сожалением, будто на глупого, ничего не понимающего ребенка. – И вот еще! – добавил он после неловкой паузы. – Передайте привет батьке и никому не пересказывайте наш разговор. Да и лучше не общайтесь на подобные темы в нашем доме. В «Слове» каждое слово мгновенно разлетается на цитаты. Понимаете? – Света заворуженно кивнула, а Микола Гурович вышел из тени деревьев, расправил плечи, по-мужицки потянулся и с наигранным весельем громко проговорил: – Я еще немного прогуляюсь, и домой. Хотите, поднимайтесь. Антонина будет вам рада. У нас как раз сейчас в гостях профессор Соколянский и его подопечная Леночка. Она, хоть из незрячих, но работает с профессором как секретарь. Вы знаете, что делает профессор? О! Это великий человек. Он обучает незрячих и слабовидящих людей. Передовые методики его школы позволяют слепым жить и работать наравне с прочими советскими гражданами. – Микола Гурович задрал голову, показав на длинный балкон третьего этажа, поделенный на две части ажурной решеткой. – Та часть, что поменьше, наша, – пояснил он Свете. Увидев на балконе чей-то силуэт, он приветливо замахал рукой. – Это Леночка, о которой я вам говорил. – Потом стукнул себя по руке, сообразив, что его жестикуляцию никто не видит, и громко сказал: – Елена, добрый вечер! Я скоро поднимусь! Заканчивайте чаевничать, и потолкуем.

* * *

Света непременно пошла бы знакомиться с гениальным профессором Соколянским, но тут калитка ограждения распахнулась и за ней показались Коля и Морской. Да такие встревоженные, что мысли о милом чаепитии с Антониной Кулиш улетучились из Светиной головы вместе с остатками идей писать про библиотеку.

– Что случилось? – хором спросили друг дружку Света и Коля, и тут же оба ответили: – Я тут по делу, а ты зачем? Вот это совпадение!

Как всегда в подобные моменты, ощущая, насколько сходятся у них и мысли, и помыслы, и вот, даже маршшруты, супруги обнялись, радостно улыбаясь.

– Поразительное единодушие, – недовольно фыркнул Морской. – Но, кажется, у нас есть занятия куда поважнее, чем эта ваша любовь-морковь...

Света хотела было возмутиться и даже ввернуть что-нибудь едкое, мол, отсутствие Ирины явно плохо влияет на поведение и характер товарища Морского, но Коля отстранился и принял сторону журналиста:

– Да-да, сейчас не время, – сказал он и ошаршил ее неожиданным: – У нас убийство. И нам срочно нужно побывать в одной квартире этого дома.

Ничего не понимая, но и не задавая лишних вопросов, настороженная Света проследовала за Колей и Морским в обход дома и, поднявшись на второй этаж, подошла к уже знакомой ей двери Эльзы Триоле. На этот раз на цепочку никто не запирался, дверь вообще была приоткрыта. Морской решительно шагнул в комнату, оставив друзей в тени коридора.

– Как хорошо, что вы пришли! – Эльза Юрьевна вскочила из-за печатной машинки и кинулась к Морскому.

– Дверь была... – начал объясняться он.

– Я знаю. Душно, потому не закрываем. Чтобы наколдовать сквозняк, как говорит моя мадам Бувье. Послушайте, мне срочно нужен «Капитал» Маркса. Свой я куда-то задевала. Можете раздобыть? Я спросила одного соседа, что прогуливался тут под балконом, он сказал, что посмотрит, и что-то долго не идет. Думаете, просто проходил мимо? Нет-нет, не проходимец. Он точно из соседей. Я слышала его голос раньше, а сейчас узнала, когда он переговаривался с дворником. Он единственный в этом доме говорит на русском, а не на украинском.

– Владимир Юрезанский! – догадался Морской. – Уверен, придет! – Он не смог сдержать улыбки, представляя, как добрый, рассеянный и много лет уже холостой Владимир Тимофеевич долго приводит себя в порядок перед зеркалом, достает с верхней полки «Капитал», сдувает многолетнюю пыль, бережно обнимает книгу, бросает последний взгляд в зеркало и решительно направляется в соседний подъезд к очаровательной незнакомке... Как раз в этот момент на лестничной площадке кто-то завозился, а вслед за тем смущающаяся Света вошла в комнату, протягивая хозяйке «Капитал».

– Вам просили передать. Только входить гражданину Коля не позволил, у нас ведь экскурсия для своих, а не проходной двор. А я, Эльза Юрьевна, вернулась, потому что этих товарищей хорошо знаю, за одним из них я даже замужем... В общем, можно я с вами на экскурсию тоже пойду? – И тут же, без перехода, не дав хозяйке даже удивиться, спросила: – А зачем вам «Капитал»?

– Перевожу завтрашнюю речь Арагоши, хочу сверить мысли. Мы члены французской коммунистической партии, она нам даже квартиру оплачивает с недавних пор. Мы не имеем права ошибиться в цитатах. – Тут Эльза Юрьевна явно испугалась, что будет понята неверно, и пояснила: – Не думайте плохого! Арагоша часто пишет речи сам. Просто сейчас – как это у вас говорят – забот невпроворот. Он только что пришел с одной встречи и уже заперся в кабинете с Гавриловским, чтобы готовиться к следующей.

– Ой! – Тут Света с ужасом глянула на шею Эльзы Юрьевны. – Это у вас телефонный провод?

– Да-да, – ослепительно сверкнула глазами хозяйка. – Мой конек: ожерелье из всевозможных удивительных вещей. Когда Арагоша еще не был так знаменит, мои ожерелья служили нашим единственным средством к существованию. Я делала их из всего, что попадает под руку, – даже из наконечников от клизм, представляете? – а Арагоша собственноручно продавал их. Сначала просто знакомым, потом в салоны, потом в Дома мод. Не реши я стать писателем, непременно стала бы работать над ожерельями. Интересно и очень прибыльно.

– То есть... вы... Вы обрезали телефонный провод? – наконец осознал, о чем они говорят, Морской. – Не удивительно, что я не смог до вас дозвониться и пришел без предупреждения...

– Аппарат починят, а приступ вдохновения, как сказала моя мадам Бувье, мог «сбежать со всех ног». – Эльза Юрьевна привстала и бросила взгляд на свою печатную машинку. – Кстати, подскажите, пожалуйста, слово, я совсем его потеряла... Бранное слово для полицейских. У нас в Париже говорят «корова», а у вас?

– Хм... фараон? – наугад выпалила Света.

– Точно! – обрадовалась она. – Как я могла забыть! Я ведь прекрасно знала это еще со времен русской юности! Так вот! – Оказалось, что слово ей нужно вовсе не для работы. – Почему ваш фараон топчется в дверях и не заходит? О! Я ведь не дурочка. Кто еще сопровождает экскурсовода на прогулке с иностранцами? И кто еще может так легко выпроводить соседа с книжкой Маркса... – Эльза Юрьевна громко рассмеялась. – Да заходите же! Я ничего против не имею. У всех своя работа.

Но едва Коля зашел в комнату, хозяйка вдруг побледнела и, прижав руки к лицу, издала громкий вздох:

– Призрак! Ну точно призрак!

– Свят-свят-свят! – заворочался в кресле так и не сменивший местоположение поэт Шанье. – Луи! Андре! Скорее сюда, тут вам не кто-нибудь, а сам Маяковский!

Через мгновение на пороге кабинета появились двое всклокоченных мужчин в непривычно светлых костюмах. У одного – того, что выше, тоньше и бледнее, – вместо галстука была повязана старомодная бабочка. «Который Арагон? Наверное, тот, что в галстуке. Он ведь прогрессивный и коммунист», – подумала Света, не сумевшая найти сходства с газетными снимками знаменитого поэта ни у одного из вошедших. Она одновременно и смущалась от внезапной встречи с мировой знаменитостью, и старалась быть побойчее, чтобы не выглядеть слишком заискивающей перед иностранцами. Впрочем, до Светинового поведения сейчас никому не было дела. Внимание было приковано к недовольно гримасничающему Коле.

– Похож! – Нет, не похож! – Кроме стрижки и роста – ничего общего! – Похож – только на Володю лысенького, а на Володю с пробором уже совсем не похож. – Один в один, но не он! – спорили иностранцы. Ситуация усугублялась еще и тем, что большую часть реплик все они говорили на французском языке, а аккуратный подтянутый и серьезный Андре Гавриловский – когда Эльза Юрьевна представила присутствующих, оказалось, что с галстуком был все же переводчик, – деловито перебрасывая незажженную сигарету то в один, то в другой кончик рта, то ли высказывал собственное мнение, то ли – с точной интонацией и особенностью характера говорящего – переводил слова других на русский.

– Вот это мистика! – сверкая глазами, рассказывал явно довольный случившимся Поль, выбравшийся из своих одеял. – Лежу, никого не трогаю, пишу свой труд о Маяковском...

– Прямо пишешь? – ахнула Эльза Юрьевна с насмешкой.

– Да! – твердо заверил Поль, по-шутовски распахивая объятия и обнимая одеяло. – Нахожусь при исполнении творческих обязанностей, непосредственно на своем рабочем кресле!

– Да, милый, он действительно талантлив! – Гавриловский зачем-то перевел фразу Эльзы Триоле, обращенную к мужу. – Наш Поль меньше недели в СССР, а уже прочувствовал атмосферу и научился составлять звучные советские обороты. Его б энергию, да в правильное русло.

– Вот оно – русло! – подскочил поэт, указывая на Николая. – Вдруг в комнату вливается Маяковский. Я понял, это знак. Мой мысленный трактат о Владимире Владимировиче развивается в правильном направлении. Я доволен!

– И мы довольны этим вашим сходством. Кусочек воспоминаний о Володе – это всегда приятно! – нежно улыбнулась Коле Эльза Юрьевна и, поспешно глянув на Свету, виновато прижалась при этом лбом к плечу мужа. Луи Арагон пробормотал что-то утвердительное, будто понял, о чем она говорила и поддерживал мысль. – Скажите, товарищ, вы нарочно так подстриглись из уважения к погибшему поэту, или это просто совпадение?

Заслышав это, Света густо покраснела. Конечно, ни о каком сходстве с Маяковским она, выравнивая «почти под ноль» затылок мужа, и не думала.

– А вы с какой целью интересуетесь? – прищурился Коля.

– А я Маяковским вообще всегда интересуюсь, – рассмеялась Эльза Юрьевна. – Даже похлеще, чем наш Поль. Он – для мысленного трактата, а я – в качестве интереса к близкому человеку. Владимир Маяковский, до того, как в мою сестру влюбился, долго за мной ухаживал. А потом я их с Лилей случайно познакомил. Но я не обижаюсь, моя судьба и мой поэт, как видите, настигли меня много позже, – она еще теснее прижалась к Луи Арагону и несколько ехидно добавила: – И у нас, в отличие от Лили и Маяковского, любовная лодка о быт никогда не разобьется. К прежним мужьям и женам никто возвращаться не намерен. – Тут она перехватила очень странный взгляд Морского. – Отчего вы так на меня смотрите? Не верите?

– Удивляюсь, что мы заслужили такую откровенность, – мягко объяснился Морской.

– Да это не откровенность вовсе, – хмыкнула Эльза Юрьевна. – Это всем известные факты. И потом, у меня такая удивительная жизнь, что я с ума бы сошла, если бы хотела «держать лицо». Все время пришлось бы что-либо смягчать и сглаживать. А я не хочу. Особенно в присутствии человека, похожего на Маяковского. Говорю всем все как есть, ничего не скрывая. Так, знаете ли, намного легче и интересней. Вы не думайте, что юношеским романом у нас с Володей все ограничилось, – вновь обратилась к Коле Эльза Юрьевна. – Наша с ним история после его встречи с моей сестрой не прекратилась. Мы всегда с ним дружили. До последнего дня. Так что имею право наводить справки, так сказать... Володя часто приезжал в Париж. Он снял нам первую квартиру, когда у нас с Арагошей совсем не было денег, но жить друг без друга мы уже не могли. А мы спасали его от жуликов, когда он совершенно проигрался и никак не мог отвязаться от плохой компании...

– А знаете, – Морской решил немного сменить тему, – отчего бы нам, дополнительно к запланированным прогулкам, не проехаться по маршруту «Маяковский в Харькове»?

– Ух ты! Вот это понимаю предложение! А то сплошные выступления на съезде и прочая пустая болтовня! Я – за! – Поэт Поль Шанье неожиданно оказался вполне влиятельным членом иностранной делегации.

– Ну раз Поль за, другие возражать не станут. Он редко проявляет энтузиазм, и мы стараемся поддерживать такие в нем порывы... – пояснил Гавриловский, переводя сразу и Эльзу Юрьевну, и мадам-поэтку, и Луи Арагона.

– Владим Владимыч бывал у нас много раз, – Морской в мгновение ока выстроил нужную стратегию разговора. – Мой приятель Григорий Гельдфайбен даже книгу про это написал. Ее, правда, пока не издали, но там уйма всего интересного. По версии Григория, например, наш город мог сыграть роковую роль в судьбе поэта. Товарищ Горожанин, бывший начальник нашего Харьковского ОГПУ, дружил с Маяковским и когда-то одарил его новеньким маузером с документами. Возможно, тем самым, из которого был произведен роковой выстрел. Думаете, из другого?

– Друзей-чекистов и даренного оружия у Владим Владимировича было много, – неопределенно пожала плечами Эльза Юрьевна. – Вы лучше расскажите, о чем Володя тут говорил, с кем дружил, где бывал...

– Да много с кем, – Морской на миг растерялся, но тут же пришел в себя. – В книге Григория, среди прочего, рассказывается, что Маяковский очень хвалил Шевченко. Говорил, что те, кто не читал Кобзаря в оригинале, теряют половину ощущений. Что еще? – Он лихо радочно принялся вспоминать. – На Университетской горке зимой 21-го Маяковский долго смотрел вниз на панораму и сказал памятное: «Хорош Харьков, хорош! И даль, и движение. Есть у него свое обличье»... Еще я знаю место, где Маяковский проиграл в бильярд. Кому? Конечно, нашему местному гению Майку Йогансену.

– Но Маяковский никогда не проигрывал! – закурлыккала переводимая Гавриловским мадам Бувье.

– Харьков, видимо, благоволил к своим счастливым больше, чем к чужим, – нашелся Морской. – Наш Йогансен тоже никогда не проигрывал. Нашла коса на камень. Дело было в клубе писателей имени Василя Блакитного.

– Правильно ли я понимаю, что это тот самый Блакитный, вдова которого вышла замуж за Михаила Ялового, из-за ареста которого расстроился и застрелился Хвылевой? – живо включилась в тему Эльза Юрьевна. И даже карандаш взяла, чтобы записывать.

– М-м-м... Мадам осведомлена больше меня, – осторожно пробормотал Морской, а мысленно порадовался за Ялового, которого когда-то хорошо знал и уважал. Того, почти сошедшего с ума от надуманных страхов перед якобы мечтающими его погубить литературными абонентами, арестовали, ворвавшись ночью, и, поверив в дикие признания больного человека

про терроризм, осудили... И самое нелепое, что все (и в том числе Морской, который к тому времени давно уже с Михаилом не общался) сочувственно молчали. Выходит, что не все! Хвелевой, выходит, хоть радикально, но пытался показать несправедливость происходящего...

– Мадам умеет расспрашивать людей, потому и осведомлена. Мне изливают душу или спорят, или, напротив, чтобы что-то утаить, в подробностях рассказывают все остальное. Мадам – писатель, – пояснила сама про себя хозяйка в ответ на реплику Морского.

– Тут и расспрашивать не надо, просто слушай, и все, – прокурлыккала мадам Бувье, и на этот раз, опередив Гавриловского, Эльза Юрьевна перевела сама. – В этом доме все кишит легендами! – добавила она уже от себя. – И жильцы с удовольствием их пересказывают. Только успевай записывать! Но вы говорил про другое. Итак, в доме писателей имени Блакитного однажды Маяковский...

– Играл на бильярде и проиграл. В качестве наказания он должен был залезть под стол и кукарекать. И кукарекал!

Все рассмеялись и, условившись проехаться по местам, где бывал Маяковский, засобирались вниз, где уже должен был ждать выделенный специально для важной экскурсионной группы комфортабельный новейший автобус ЗИС-8.

– Я хочу побывать в этом клубе! – в тон курлыкающей мадам Бувье произнес Гавриловский.

– Побываете! – заверил Морской.

– А я хочу большего! Я должен сыграть в этом клубе на бильярде! – переключился на роль Арагона переводчик.

– А я, – начал было на французском Поль Шанье, но тут же обиженно зыркнул на Гавриловского и переключился на язык предков: – не надо меня кривлять, я и сам могу. Я хотел бы в этом клубе выпить... Ну, или где-то еще...

– Ну а я – познакомиться с вашим Йогансеном, – улыбнулась Эльза Юрьевна.

– Сыграете! Выпьете! Познакомитесь! – раскланивался Морской. – Пить, кстати, стоит белое вино с обжаренным в соли миндалем. Именно там его весьма рекомендую!

А Коля перешел, наконец, к главному:

– Но по заявке ваша группа должна быть больше. Где же товарищ Иссен?

– Заболела. Оно и ожидалась. Еще три дня назад бедняжка так осипла, что еле говорила. Мы позвонили доктору, тот предложил – вы не поверите! – отрезать гланды. Мы решили не связываться с вашей медициной никогда, – курлыкал Гавриловский в тон Бувье. – И вот теперь Милена расхворалась до того, что лучше ей полежать дома. Нет! Навестить ее нельзя! Что за вздорное желание? Барышня в постели и не одета.

Арагон с Гавриловским тем временем уже спускались вниз, а дамы и Морской с Колей все еще топтались в квартире. Бувье ушла сказать что-нибудь на прощание своей больной, Триоле осматривала себя в зеркало...

– А знаете, мне это надоело! – внезапно выпалил Коля. – Так мы ни в жисть ничего не узнаем! Мадам, вы ведь не шутили, когда сказали, что при человеке, похожем на Маяковского, не сможете соврать?

– Нет, не шутила...

И, прежде чем Морской или Света успели его остановить, Коля резким движением вынул из нагрудного кармана какое-то фото и сунул его в лицо растерявшейся Эльзе.

– Ответьте не задумываясь: вам знакома эта женщина?

– Mon Dieu! – громко простонала Эльза Юрьевна и, побледнев, упала в обморок прямо на выскочившую в этот момент в прихожую мадам Бувье. Одной рукой подхватив полубесчувственную Эльзу, другой мадам откинула с лица мешающий обзору капюшон, вырвала у Коли фото и... отчетливо выругалась отборным русским матом.

А потом прибавила, забыв и про акцент, и про французский язык:

– Миленочка, конечно, говорила, что подаст мне знак, если что-то пойдет не так, но это... – Бувье ткнула в карточку, на которой, как теперь могли разглядеть и остальные, был запечатлен лежащий в морге труп, – ...это как-то уж слишком выразительно...

4

Разительные отличия и безусловные сходства.

Глава с экскурсией, которую вам не покажут

– Вы это называете «предельно осторожно и тактично»? – возмущенно шикнул Морской и, вспомнив навыки, оставшиеся от неоконченного медицинского института, кинулся приводить мадам Триоле в чувства.

– Я напирал на «быстро» в данном случае... – Николай затравленно глянул на Свету.

– А вы-то сами тоже хороши! – вступилась за мужа та. – Кукарекающий Маяковский! Нашли чем гордиться при иностранцах!

– Должен же я был похулиганить, увидев, что поломана прослушка, – парировал Морской, изображая свободной рукой телефонную трубку у уха.

Коля и Света синхронно вытаращили глаза и смешно покрутили пальцем у виска. Николай – потому что прекрасно знал, что «и у стен есть уши» и ограничиваться недоверием к телефону нельзя, а Света – просто так, из возмущения.

– Не ссорьтесь, умоляю, – простила приходящая в себя мадам Триоле. – Лучше объясните, что все это значит? Бедняжка Милочка... Она... Она...

– Мертва, – глухо констатировала мадам Бувье. В темных глазах ее блуждал неподдельный ужас, а ноздри раздулись от тяжелого дыхания, делая и без того морщинистое и не очень привлекательное лицо откровенно страшным. – И даже, кажется, убита. Боже правый...

– Вы говорите по-русски? – ахнула Триоле.

– В подобных обстоятельствах – конечно. Хоть я уехала из Петербурга сорок лет назад и после революции не афишировала свое допарижское прошлое, но... Если речь идет о поисках убийцы, кокетничать и дальше было бы преступно.

– Но вы обманывали нас! – растерянно тянула мадам Триоле.

– Не договаривала. Это совсем другое! – отмахнулась Бувье. – Согласитесь, знаменитая писательница, ударившаяся в авангардизм, решившая на старости лет познакомиться с дикой восточной страной, вызывает в вас куда больше симпатий, чем эмигрантка, возжелавшая перед смертью посмотреть, во что превратилась ее бедная родина... Мне было важно, чтоб вы включили меня в делегацию...

Мадам Триоле набрала полные легкие воздуха, явно чтобы высказать в ответ нечто нелицеприятное, но тут вмешалась Света.

– Кто-то призывает не ссориться, помните? – осторожно, но твердо проговорила она. – Раз уж так вышло, что Коля все рассказал, может, ответите на пару вопросов?

– Да-да, – Николай снова взял инициативу в свои руки. – Только сначала одна просьба. Понимаете, начальство боится скандала, поэтому меня просили ничего не сообщать вам, пока не будет доказано, что жертва – ваша спутница. Я нарушил приказ, потому что увидел, что вы, Эльза Юрьевна, человек честный, открытый и способный помочь следствию. Очень прошу ничего не рассказывать вашим мужчинам. Иначе у меня будут большие неприятности. Пусть со стороны все выглядит так, будто я просто слежу за экскурсией.

– И не надейтесь! – твердым хором ответили дамы. Одна скептически, мол, «нашли на кого полагаться». Вторая – горячо и убежденно. Второй, конечно, была Эльза.

– Если вы хотели доверить мне тайну, то должны были сначала спросить, согласна ли я ее хранить, – объяснилась она. – У нас с Арагошей нет секретов. Особенно в таких вещах. Он, в свою очередь, не станет ничего скрывать от адвоката. И Полю тоже все придется рассказать, ведь рано или поздно он узнает и очень огорчится, что мы скрыли...

– По крайней мере, – вмешался Морской, – можем ли мы рассчитывать, что в интересах следствия вся ваша компания прикинется, будто ничего не знает об убийстве и просто наслаждается экскурсией о Маяковском? Это ненадолго. Как только Николай убедит свое начальство, что жертва действительно Милена Иссен, расследование, естественно, примет нормальный официальный ход. Но пока мы должны делать вид, будто вы ничего не знаете.

– Делать вид? Но перед кем? – уточнила Триоле. – Экскурсия ведь камерная, разве нет? А наблюдаете за нами лично вы...

– Как вам сказать, – отвел глаза Николай. – Водитель, что будет нас возить, не просто мой коллега, но еще и человек, строго соблюдающий все правила. И в ресторане, где мы будем обедать, вас точно будут чутко охранять. И дворник, который служит в этом доме... – Коля понял, что перешел все границы и, выкручиваясь, неожиданно выпалил: – В общем, безопасность иностранцев превыше всего.

– Оно и видно, – жестко кинула Триоле, кивнув на Колин карман, в котором лежало фото из морга. Но потом сжалась. – Ладно. Пожалуй, на какое-то время мы сможем изобразить неведение перед посторонними.

– Спасибо! Я не зря в вас верил! – горячо выпалил Коля и снова пошел в наступление: – А еще нам нужно осмотреть комнату, где жила Милена.

– Э... – недовольно вмешалась мадам Бувье, – она жила в моей комнате. Там и мои вещи... Если я не ошибаюсь, вы не имеете права на обыск. Я французская подданная.

– Вы не ошибаетесь, – вступил Морской, вспомнив о возложенном на него контроле за корректностью и осторожностью. – Без вашего разрешения и присутствия мы, разумеется, в комнату не войдем. Но без осмотра помещения и вещей мы также не сможем оперативно разобраться в происшедшем...

– Логично, – неожиданно смирилась мадам Бувье и распахнула дверь в свою комнату. – Смотрите, чего уж там... Можете даже без меня. Чего я там не видела!

– Но прежде еще одна просьба, – продолжил Морской. – Расскажите, что вы знали о Милене Иссен... Вы обе, если можно...

Морской опасался, что мадам Триоле откажется, сославшись на свое право хранить молчание до официальных разбирательств, но та оказалась человеком на удивление неконфликтным.

– Да, это можно, – сказала она, немного подумав. – Поймать убийцу в наших интересах. Что ж, я начну. – Мадам Триоле вытянулась, сосредоточилась и, несколько раз моргнув, стала похожей на сдающую экзамен школьницу. – Когда мадам Бувье написала нам, что хочет присоединиться к нашей группе, я обрадовалась. Я читала ее романы и уважала ее как писателя. Наличие компаньонки нас тоже не смущало. Мадам столько лет, что кто-то должен о ней заботиться, и мы в тайне радовались, что есть кому этим заниматься. И вот они пришли. – Эльза глянула на Бувье, как бы заново оценивая ее. – Тогда они показались дамами, порядочными во всех отношениях. Милочка по большей части все молчала. В нашем обществе появлялась редко. Красивая, спокойная, с хорошими манерами. Немного странным было видеть королевскую осанку у простой компаньонки... – Эльза улыбнулась какой-то своей тайной ассоциации, но тут же пояснила: – Я слишком акцентирую все, что связано с осанкой. Сестра сутулится, и мама всю жизнь меня страшила, чтобы я держала спину ровно...

– Верно подмечено! – хмыкнула поэтка. – Я про Милену. Очень уж прямая. Я как-то даже спросила, не проглотила ли она палку. Но Милена шутку не поняла и ответила, мол, что вы, ничего я не глотала... – Тут Бувье широким жестом прижала руку к груди и поклонилась в сторону Эльзы, явно извиняясь не только за последнюю реплику. – Но я вас перебила, прошу прощения...

– Так вот, – то ли не принимая извинений, то ли не замечая их, продолжила рассказчица. – Всю дорогу из Парижа до Москвы мы Милену почти не видели. Ее укачивало в поезде, и потому она купе не покидала. Даже обеды ей мадам-поэтка сама носила из вагона-ресторана. Мы еще смеялись, что не понятно, кто за кем ухаживает. В Москве всю неделю мероприятий Милена тоже держалась в тени. Пару раз вышла куда-то с нами, но в основном сидела в номере. Считалось, что ей все еще не здоровится. Я даже заподозрила подвох – кто ж, приезжая в путешествие, сидит в гостинице? – но потом, когда, уже в Харькове, у бедняжки совершенно осип голос, я поняла, что Милочка и правда больна... Но, кстати, даже будучи больной, она оказывалась иногда полезна. То за продуктами ходит – я люблю готовить дома, и здесь тоже кое-что делала, хотя у вас в стране и любят общепиты, и в нашей квартире, как вы видите, даже и кухни нет, то примус разожжет – у меня вечно ссоры с этими техническими новинками, а когда он стоит прямо в коридоре, опасность устроить пожар увеличивается в стократ, то еще в чем-то поможет по хозяйству... Мы ведь даже в Париже без домработницы живем. Все эти ложные убеждения, мол, один человек не должен унижать другого, перебрасывая на него свои бытовые проблемы, прочно внедрились в наши головы. Несуразность этих сентенций я поняла уже тут, когда прочла заметку в «Известиях». Пока мы у себя в Париже воображаем, семьи молодых рабочих в СССР нанимают домашних помощниц, чем ликвидируют безработицу и улучшают свой собственный быт. Домработницам – быть!

– Зачем? – вырвалось у Светы.

– Из экономии! – Мадам Триоле распахнула шкаф, достала из увесистой стопки бумаг аккуратно вырезанный из газеты лист, потрясла им в воздухе и даже зачитала: «Работающая жена в придачу к доходу мужа приносит в дом 300 рублей в месяц. Зарплата домработницы – 18 рублей в месяц, плюс стол и жилье. Спать домработница может на кухне». – Ну... В тех домах, где кухня есть. А там, где нет, вместо нее, как видите, с успехом используется коридор, значит, спать можно и в коридоре. По всему выходит, что рабочий Иванов должен отправить жену работать, предварительно развязав ей руки приглашением в семью домработницы из деревни, – отвлекшись от газеты, мадам Триоле лихо констатировала: – По части правильного быта и умения жить СССР тоже дает фору всему миру.

– Давайте сменим тему, – умоляющим тоном вставил Коля, который с момента, как женился, стал уделять серьезное внимание ведению домашних дел, и прекрасно понимал, как далека мадам Триоле от советской жизни. Опасаясь, что она начнет задавать вопросы и придется врать или порочить советский строй, рассказывая о реальном положении дел с возможностью спать на кухне или кормить еще одного члена семьи, Николай кинулся за спасением к мадам-поэтке: – Мадам Бувье, ваша очередь. Что вы можете рассказать о Милене?

– Вообще-то, ничего не могу, – резко ответила поэтесса. – Но расскажу. Потому что обещание неразглашения чрезвычайные ситуации не учитывало. Верно же? Итак, – она величественно откинула голову назад, и капюшон слетел окончательно, обнажая спутанные волны седых волос. – Милена Иссен была знакомой Эфрона. Сергей Эфрон – милейший человек, семье которого я иногда помогала в знак уважения к поэтам и несчастным. В последнее время он занимался какими-то запутанными делами, связанными, кажется, с Союзом возвращения на родину или чем-то в этом роде. Меня он агитировать не смел, но многие, попав под его безграничное обаяние, готовы были все бросить и возвращаться в СССР. Милочка была как раз из таких. Она хотела на родину, хотела к сестре, хотела в общество, которое казалось ей идеальным... Эфрон сперва бедняжку обнадежил, но потом оказалось, что Союзу возвращения ее кандидатура не подходит. Революционной романтики – хоть отбавляй, но к лишениям особо не готова. И не владеет ораторским искусством. И так стеснительна, что журналистам не предъявишь. По правилам, Сергей должен был прекратить с Милочкой всякое общение, но он ведь прежде хороший человек, а потом уже агитационный деятель. И он решил помочь весьма экстравагантно. Через меня. Попросил меня взять Милену с собой в СССР в качестве компаньонки. Пусть переехать насовсем нельзя, но можно хоть одним глазком взглянуть на мир, который так тебя волнует.

– Пойдите! – резко перебила Эльза. – Сергей Эфрон и его жена – мои хорошие знакомые. Я преклоняюсь перед талантом Марины, я помогала им обжиться, бывала у них дома. Это все какая-то фантастика. Отчего Серж не обратился напрямую ко мне?

– Наверно, потому, что вы говорите всем все как есть, ничего не скрывая, а тут нужна деликатность, – пожалала плечами мадам Бувье и тут же опять принялась извиняться: – Простите! Я на русском часто делаюсь неловкой в выражениях. Сама того не желая, говорю обидные вещи... По факту верные, но лучше б промолчать...

– Вы даже извиняясь нахамили! – нервно рассмеялась Триоли. – Да ладно. Лучше продолжайте свой рассказ.

– Мне, если честно, и прибавить нечего, – мадам Бувье опять попыталась пойти на попятную, но справилась с собой и заговорила. – В пути Милена, как вы уже знаете, разболелась. Мы много говорили, но все больше о душе и о призвании человека. Она оказалась убежденной марксисткой. Что, собственно, не важно... Знаете, за время путешествия я успела привязаться к своей мимолетной компаньонке. Я ее почти не знаю, но могу с уверенностью сказать, что она была хорошим человеком. Любому, кто на нее глянет, становилась очевидна ее любовь ко всему окружающему миру и ее увлеченность им... Да что я говорю, смотрите сами! – Бувье взяла из рук Триоле газету и, перевернув, показала недавний снимок с крупной подписью «Наши иностранные гости против антисоветской кампании во французской печати». Стало ясно, почему мадам Триоле хранила эту газетную вырезку. Впрочем, облик Милены это ничуть не прояснило.

– Это Милена? – Коля наугад показал на самую высокую в сфотографированной группе девушку.

– Да что вы! Это я! – немного даже кокетливо вскинула брови вверх мадам Бувье.

– Вообще-то это Арагоша, – фыркнула Триоле. – Погодите, сейчас принесу обычный фотоснимок. Нам напечатали перед отъездом из Москвы. На нем все видно много лучше, чем в газете.

На фото компания иностранных гостей выглядела легко и беззаботно. Луи Арагон в элегантной шляпе улыбался своей фирменной – сразу видно, что иностранец, – улыбкой и что-то говорил репортеру. Рядом, явно внося какие-то поправки в диалог, строго вытянув вверх указательный палец, стояла Эльза. Вездесущий Гавриловский, чуть прикрыв ладонью губы, оживленно шептал что-то блаженно витающему в облаках Полю. Мадам Бувье в такой же, как у Арагона, шляпе величественной скалой возвышалась позади всех, а рядом виднелась милая кудрявая головка, очевидно, это была Милена. Крупные зубы, хорошая открытая улыбка без кокетства. За силуэтами более важных персон Милену почти не было видно, но все равно она притягивала внимание и производила впечатления счастливого, рассчитывающего жить еще лет сто человека.

– Ох... – Мадам Бувье с тяжелым вздохом отвернулась. – Я переживала за будущее этой девочки, упуская настоящее. Теперь выходит, будущего-то у нее и не было. Я сокрушалась, мол, как же ты, глупышка, останешься тут жить, она смеялась, мол, разберется и даст знак, если что-то сложится не так. Доразбиралась... Бедное дитя... – Мадам Бувье вздохнула и промокнула краем капюшона слезящиеся глаза. – В последний раз я видела ее вчера днем. Она предупредила, что опять уйдет по своим делам, и мы сговорились делать вид, что она слегла от болезни и не выходит из комнаты. Поэтому я сама открывала дверь, сама приносила чай, даже посудой у умывальника утром погремела, чтобы всем в доме казалось, что Милочка на месте...

– Погодите-погодите, – перебил Коля, – вы сказали «опять». Она уходила и раньше?

– Да. В Харькове за те три дня, что мы тут проживаем, она, ну... будем откровенны... ни разу не ночевала дома... В первый день она ужасно волновалась. Проговорилась, что у нее свидание в 23:30, просила не беспокоиться. Потом уже эти ночные уходы воспринимались как сами собой разумеющиеся... Приходила она, наверное, под утро, точно я не знаю, я спала... А днем под предлогом похода за продуктами периодически шла в какие-то другие места. Кажется, она выросла в этом городе. Вероятно, ей было куда тут зайти и с кем встретиться. Точно знаю, что один раз она ходила в клуб имени Третьего Интернационала. Смешное название, поэтому запомнилось.

Коля бросил вопросительный взгляд на Морского, и тот быстро вполголоса пояснил:

– Бывшая синагога на Пушкинской. Была закрыта в 23-м году по просьбам трудящихся и отдана под «Еврейский клуб им. Третьего Интернационала». Но там, конечно, остались и прежние кадры. Видимо, они Милену и интересовали.

– Зачем прогрессивной социалистке ходить в синагогу? – удивилась Эльза. – Я уверена, что Милочка была атеисткой.

– Она хотела кого-то разыскать, наводила справки, – ответила мадам Бувье. – Я думала, что девочка разыскивает родителей, но потом она обмолвилась, что родители умерли, когда ей было 18. «Сто жизней и сто лет назад», – говорила она, но на самом деле не так уж и давно, 12 лет назад, – мадам Бувье вдруг совсем раскисла. – Милена так мне доверяла. Так много рассказывала... А я, выходит, не уберегла...

Поэтка снова принялась промакивать глаза, Эльза тоже не удержалась от слез, а Коля тем временем растерянно бормотал, обращаясь к Свете и Морскому:

– У нас иностранцы, особенно из таких важных делегаций, просто так по городу не шатаются. Одна как дети в школу, что за ерунда! – фыркнул он. – Передвижения Милены должны были фиксироваться. Официальный запрос мне Игнат Павлович отправить не даст, но просто по дружбе ребята из слежки, возможно, что-то расскажут. Мне срочно надо в управление!

– Последний вопрос, – Света верно расценила Колины намерения и собралась закончить разговор. – Если Милены не было со вчерашнего дня, почему вы не начали поиски?

– Не знаю... – Мадам решительно сняла накидку с капюшоном и отшвырнула ее в дальний угол шкафа. – Весь этот мнимый и красивый траур теперь, когда у нас действительно беда, излишне пафосен и глуп.

– И все же? – Коле не понравилось, что мадам-поэтка явно переводит тему.

– Почему не устроила поиски? Решила, что взрослая порядочная женщина имеет право ночевать где хочет и сколько хочет. Я была уверена, что Милена вот-вот вернется. Нам завтра уезжать, я и подумать не могла, что она может не вернуться...

В этот момент входная дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Поль.

– Господа, отчего вы застряли? Дамы, спускайтесь, все ждут вас и экскурсию! Они лентяи по лестнице бегать, а меня, как самого спортивного, послали вас звать. Вот, зову! Отчего вы вечно так убийственно долго собираетесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.